

Соль. Время любить

Автор:

Марина Александрова

Соль. Время любить

Марина Александрова

Другие Миры (АСТ)Соль #2

На пороге великой империи война. Для такой, как Соль, это возвращение кошмаров минувших дней. Можно спрятаться и подождать или же ринуться в омут с головой, надеясь, что у нее есть крошечный шанс все изменить. Выбор непрост... Вот только сражаться придется не только за жизнь, но и за свою любовь.

Марина Александрова

Соль

Время любить

Роман

Пролог

Он сказал ей, что она должна прийти сегодня к берегу моря. Туда, где он впервые поцеловал ее. На тот скалистый уступ, где без усталости разбиваются о скалы тяжелые волны. Где всегда дует соленый морской ветер. Он будет ждать

ее там с первыми звездами.

Все это время, до самого вечера, сердце в ее груди предательски сжималось. Она волновалась. Почему он позвал ее сейчас? После того как встретился с отцом? Для нее, как и для Кирана, было неважно, какого кто из них происхождения. Ни один из их друзей никогда не заострял на этом внимания. Но, стоит быть реалистами, ни один из них не был сыном короля. Ни один, кроме Кирана. И король этот был хозяином страны, в которой им всем предстояло жить. Кем бы они ни были рождены, реалии этого мира... они вынуждены под них подстраиваться.

- Айдова бездна, - не сумев сдержаться, выругалась она, стоило ей отворить створки шкафа в комнате общежития, где она жила.

- Ты чего? - лениво отозвалась Айрин, что сейчас изучала очередной трактат по анатомии существ. При этом девушка лежала на кровати, задрав ноги на стену, а голова ее свешивалась вниз, и белоснежные волосы устилали пол.

- Просто интересно: куда делась моя одежда?

- А что? - даже не посмотрев на Соль, отозвалась она.

Соль раздраженно вздохнула, но сказала все же спокойно:

- Мне надо уйти.

- Куда?

- Эй, я задала тебе вопрос, а вместо этого отвечаю на твои...

- Ты, - захлопнув книгу, перевернулась на живот девушка, - забыла, да? Сегодня день бесплатной стирки. Я сдала все в прачечную при академии, - легко пожала плечами ее соседка.

- Почему? - как-то потерянно вздохнула Соль, опускаясь на кровать.

- Потому что сегодня это можно сделать бесплатно и не самим, разве не понятно?

- Но мне теперь нечего надеть, - как-то сокрушенно выдохнула Соль.

- Ну, кое-что все же есть, - указала Айрин своим тонким пальчиком на створку соседнего шкафа.

Соль решительно распахнула ее и изумилась.

- Что это? - на вешалке висело платье, которого никогда не могло быть у такой, как она, учитывая то, что в кошельках студентов всегда гулял ветер и денег постоянно не хватало. Да и куда с их занятостью в таком ходить? Сшитое из тончайшей ткани, украшенной крошечными кристаллами, которые на свету выглядели точно россыпь водяных брызг, нежно-жемчужного цвета... Оно было не просто роскошным, оно было идеальным.

- Так, - легко отмахнулась подруга, - появился тут у меня один дыхатель. Ну, как? Сойдет?

- Я не могу... - ошеломленно прошептала Соль.

- Почему? Не нравится? - изогнув темную бровь, осведомилась Айрин. - Вроде ж ничего такое...

- Оно слишком... - от переизбытка эмоций попыталась изобразить руками то, что чувствовала.

- Да нормально, надевай, - отмахнулась девушка.

Ну и выбора как такового не было. Киран ждал ее сегодня, и то, что он должен был сказать, вернувшись из отчего дома, было слишком важно, чтобы она просто не пришла.

Ночи в Эйлирии всегда были жаркими, потому она и не думала надевать поверх легкого струящегося платья что-то еще. Но когда оказалась на берегу, то подумала, что, наверное, зря. Слишком откровенно одетой она себя ощущала в

этом легком платье, с распущенными волосами, поднимаясь на продуваемый всеми ветрами утес.

Первые звезды уже давно появились, украсив черный бархат неба, когда она оказалась на самом верху, чтобы увидеть множество чаш с огнем, которые были расставлены вокруг, словно очерчивая границы плато. Киран стоял у самого края обрыва, спиной к ней. Его кроваво-красные кудри, точно языки пламени, развевались на ветру. И только сейчас она заметила, что рубашка на нем напоминает по цвету ее платье.

– Я же говорил, – тихо сказал он, – что жду тебя с первыми звездами, – повернулся он к ней лицом, тепло улыбаясь.

– Девочки, друг, – то, что рядом с Кираном стоял еще Зорис, стало для Соль полнейшей неожиданностью, но из-за света, что исходил от чаш с огнем, она не заметила его сразу, – такие девочки, – усмехнулся парень, хлопнув друга по плечу.

– Что... – она хотела спросить, что все это значит, но не успела, вдруг поняв, что стоит в кругу еще сорока четырех студентов Медицинской академии Эйлирии.

– Что же, – вновь заговорил Зорис необычайно торжественным голосом, – сестра, подойди ближе и займи свое место по правую руку от нашего брата.

– Идиот, – не выдержал Там-Там, выступив чуть вперед, – нельзя сегодня их так называть.

– Почему? – нахмурился парень.

– Как ты собираешься заставить их говорить все то, что навывдумывал сегодня, если будешь кликать их братом и сестрой!

– Точно, – благодарно кивнул парень, – иди сюда, Соль, и встань по правую руку от Кирана.

Если Соль и хотела спросить, что все это значит, то не успела, получив тычок в спину от Айрин.

- Не тормози, - напутствовала подруга.

Когда она оказалась там, куда попросил ее встать Зорис, парень вновь заговорил нарочито торжественным голосом.

- Мы, дети Двуликого Бога, собрались сегодня под сводом его обители, - со смешинкой во взоре на мгновение посмотрел он на небо, - чтобы эти два сердца застучали друг для друга, - хитро прищурившись, улыбнулся он и прошептал для Соль: - Мы первые в своем роде, и я подумал, что нам нужны особые традиции.

- О, Боже, начинается, - обреченно прошептал Там-Там где-то позади.

- Хочу спросить вас... - тем временем посмотрел парень поочередно на Соль и Кирана. - Встанешь ли ты, Киран, за спиной этой женщины и сумеешь ли оставаться там несмотря ни на что?

- Да, - совершенно серьезно ответил Киран, взглянув в глаза той, любовь к которой не вызывала у него ни страха, ни сомнений. Его сердце всегда дрожало рядом с ней. Он всегда видел в глазах этой женщины свою судьбу.

- А, ты, Соль, сумеешь ли принять его как того, кто встанет за твоей спиной?

- Да, - ответила она, не до конца понимая, что они тут устроили, но она всегда знала ответ на ритуальный вопрос их мира. И всегда мечтала дать его, хоть и не была уверена, что им с Кираном это позволят.

- Отлично, - немного растягивая гласные, хищно улыбнувшись, сказал их самонареченный жрец. - Браслеты мне, - скомандовал он, хотя Катлин уже стояла рядом, держа украшения, которые бы свидетельствовали о том, что теперь Киран и Соль - нареченные. Тонкое плетение изящных, почти невесомых браслетов приятно холодило кожу, когда металл обнял ее предплечья.

Когда такие же браслеты сомкнулись на запястьях Кирана, Зорис довольно сказал:

– Ну, а теперь та часть, которая возможна только для таких, как мы. Я сам придумал, – «по секрету» громким шепотом сообщил он Соль. – Да коснется сила Двудликого двух сердец, что соединились здесь под сводом его обители, – в этот момент ладони Зориса засияли нежно-голубым и тончайшие нити потянулись к двум молодым людям. То же самое повторили и те, кого они уже очень давно считали своими братьями и сестрами. И, позволяя этому кокону из сияющих нитей оплести себя в нежные объятия, сплестись с их собственными, они чувствовали, что все сказанное не просто слова – они пронесут эти клятвы сквозь века, потому что поклялись перед теми, кто любил их, дорожил ими, чья сила ласково приветствовала их союз.

Разве думала тогда Соль, что никто из ее братьев и сестер больше не заключит подобный союз? Разве могла себе представить, что освобожденный от телесной клетки дар устремится туда, где его однажды приняли? Разве задумывалась она тогда, что станет последним пристанищем для силы, сосуд которой вдруг оказался разбит? Нет, тогда, под звездным небом Эйлирии, среди друзей, она была счастлива, потому что тонула в любящих зеленых глазах. Потому что он обещал ей быть всегда за ее спиной, а она приняла его. Слова, которые в их мире говорились далеко не на каждой брачной церемонии. Слова, которыми боялись разбрасываться, а еще больше – нарушать данное обещание. Больше, чем клятва или обещание, – это слова о намеренье жить так, и никак иначе. Слова, сказанные перед Богом, данные не только своей избраннице, но и ему, – непреложны.

Меня выбросило на самом краю империи, как и было задумано. Вот только то, что случилось перед этим, я никак не планировала. Потому, не тратя времени даром, преодолевая тошноту и общее недомогание, постаравшись сосредоточиться на том, что было вокруг, отыскала первый попавшийся камень и со всего маху обрушила его на телепорт, что вынес меня на границу с империей. Если нет кристалла, крошечного красного камешка в самом центре амулета, то отследить телепортацию очень сложно.

На востоке царила теплая южная ночь. Потому я не боялась, что меня заметят. Ведь, как бы там ни было, магические сети меня не чувствовали. Я была для них никем.

Некоторое время я просто лежала на теплой земле, всматриваясь в черное звездное небо. Когда-то давно небо было точно таким же. Точно так же сияли

звезды, и мир казался таким большим. В день, когда Зорис взял с нас те клятвы, воображая, что мы как представители нового вида людей просто обязаны иметь свои традиции, эти же звезды были свидетелями наших клятв тогда...

- Не смей думать об этом, - тяжело прошептала я, борясь с подступившими слезами.

В моменты страшных потрясений я всегда испытывала усталость. Не знаю, почему я никогда не злилась, как многие люди. Не могла устроить скандал или истерику, а то и выместить свой гнев на ком-то. Гнева никогда и не было толком, от него я тоже уставала. Вот и сейчас мне казалось, что мое тело налилось свинцовой тяжестью. Казалось, что еще немного - и я увязну в земле, на которой лежала, - так тяжело мне было.

- Потом, ты обо всем подумаешь потом, - уговаривала я саму себя. - Ведь ты же понимаешь: что бы он ни сказал, тому должна была быть причина. Ты просто должна подумать об этом... должна, но не сейчас.

С трудом оперевшись на локти, я кое-как встала. Меня вынесло аккуратно на задний двор форта, что недавно подвергся нападению. Сейчас восстановительные работы были закончены, и крепость, похоже, возобновила свою деятельность по охране рубежей Алании. Вот только свинарник, у которого меня выбросил телепорт, никто сторожить не желал. Оно и к лучшему.

Кое-как поднявшись на ноги, я, точно пьяная, потащилась в пороссячий домик. Стоило переодеться, пока солнце не взошло. Как только было совершено проникновение в чужое жилище, его обитатели хором захрюкали и завозились.

- Тихо, мать вашу свиноматку! - зашипела я.

Странно, но подействовало. Всего через несколько секунд хрюшки угомонились - а может, потому что это я замерла, точно каменное изваяние. Переодевалась я, уже стараясь лишний раз их не беспокоить. Докатилась...

* * *

– Я же говорил вам, – слова, слетевшие с его губ, казались такими легкими, небрежными, пренебрежительными. Но кто бы знал, как горело у него сердце в этот момент, которое, казалось, ожило впервые за последние триста лет. Больно – не самое подходящее слово для описания испытываемых чувств. После того что он сказал ранее, он чувствовал себя мышью, которая сама себя загнала в мышеловку, и все, что ей оставалось, – это сделать так, чтобы туда же не попала и она. – Этот человек не имеет никакого отношения ко мне и подобным мне, – тихо шепнул он Элтрайсу и Императору, которые использовали дежурный полог, скрывающий их разговор от Эль Ариен и его раба.

– Но ему удалось вернуть Рейнхарда к жизни, – справедливо заметил Император. – Мне говорили, что болезнь, пожирившая его тело, была необратимой.

– Подобный недуг раньше умели лечить в Ис'шере, – холодно заметил Киран, стараясь не смотреть в сторону, куда так нестерпимо желал взглянуть.

– Интересно, – скупно заметил Элтрайс, и это самое «интересно» не сулило Кирану ничего хорошего. Ему было все равно. Он не собирался более изображать из себя раба этого аланита. При первой же возможности он покинет империю для того, чтобы найти ее, а после на коленях вымаливать прощение...

«О, чем я? – обреченно подумал мужчина, – Какое прощение?! Она даже не представляет, что я такое теперь! Если бы я был прежним, то вряд ли смог быть с тем, кто подобен мне! Урод, настоящий урод!»

– Что ж, я думаю, мы можем позволить нашему гостю насладиться торжеством, – тем временем сказал Император, а Киран со все нарастающей болью в сердце смотрел на то, как низко кланяется его женщина, прежде чем покинуть зал. Гнев, что теперь оплетал его сердце с такой легкостью, не заставил себя ждать, опаяя все внутри. Не он, а она была последним даром их Бога этому миру. Та, кто сохранила эту божественную искру. Частица Бога, заключенная в плоть. Чудо, ниспосланное им. Раб.

Последнее, что он мог сделать для той, что так любил, – это разорвать цепи, что сковали ее. Он не станет извиняться за сказанное сегодня. Ни за что не станет. Сегодня он подарит ей свободу и просто уйдет, так будет лучше для нее. Тихая жизнь вдали от империи теперь невозможна для того, кем он стал, но она жива,

и это самое главное! Самое главное... он отомстит за их утраты.

Он видел, как она встает на край обрыва. Смотрел, как развевается на сильном ветру шлейф ее платья. Каждый изгиб ее фигуры, каждый жест, движение... он помнил. Он понимал, что она собирается сделать, когда заметил крошечный телепорт, зажатый в ее ладони. Зачем же она пришла во дворец сегодня, если возможность сбежать была и прежде? Как это ни страшно понимать, он знал ответ. Последний раз... Он последний раз смотрел на нее. Он знал, но не мог насмотреться. Когда она сделала шаг в бездну, сердце его ухнуло куда-то следом за ней. Он подбежал к самому краю обрыва, чтобы его последний раз был немного дольше. Но когда мимо пронесся тот, кто посмел назвать себя ее хозяином, и в момент, когда, судя по изменившимся энергетическим токам, был активирован телепорт, схватил ее, распахнув огромные крылья, Киран понял, что не позволит ему последовать за ней. Не позволит телепорту затянуть их обоих, а тому мерзавцу, которому она подарила жизнь, заклеить ее вновь.

С изменением дара он стал никем, пустотой на энергетическом уровне. Он не просто мог снять любое заклятие, убрать любое клеймо – он мог сделать так, что та сеть, которая выбрасывалась телепортом для перемещения объекта, соприкасавшегося с ним, просто не почувствует крылатую тварь, что держала сейчас Соль. Просто коснувшись даром Эль Ариен, он сделал его никем для телепорта, что сжимала в руках Соль. Еще миг – и девушка растаяла в воздухе, оставив после себя ошарашенного рабовладельца и его, Кирана, который в эту странную ночь разбил свою мечту. Ему казалось, в эту самую ночь он опустился на дно самой темной бездны.

* * *

Сказать, что этот план казался ему глупым, было как-то мелко. Вроде взрослая, а идеи в голове...

– Дура, – шикнул он себе под нос, хотя сделал это скорее из-за того, что боялся, нежели и впрямь так думал.

– Куда собрался? – услышать голос Ферта было вполне ожидаемо в этот вечер, учитывая то, что он вышел за дверь из их с Соль жилища поздно вечером.

– Господин велел мне кое-что сделать до его возвращения, – отозвался Кит, совершенно не веря в то, что довод, который оставила ему Соль, подействует.

– Что же? – не скрывая насмешки в голосе, осведомился Ферт.

– Ну, – замялся парень, сомневаясь, что сработает, и тут же добавил: – Соль передал, «время исполнить обещание».

После брошенных им нарочито легким тоном слов Ферт как-то побледнел и растерянно заозирался. После глубоко вздохнул и почему-то шепотом спросил:

– И что я обещал?

– Сопроводить меня в госпиталь, больше ничего, – сказал Кит так, как научила она его.

Некоторое время Ферт молчал, точно раздумывая над чем-то весьма серьезным и важным.

– Идем, – коротко бросил он, поворачиваясь к Киту спиной. – Но ты сам сказал, что все, что я должен, – это довести тебя до больницы.

– Не совсем, – решил уточнить паренек, почему-то вспомнив ушлых дельцов, с которыми когда-то ему приходилось иметь дело. Либо договариваешься обо всем от и до, либо потом попробуй докажи, что ты имел в виду. – Мне нужно попасть к одному конкретному пациенту...

– Зачем? – поинтересовался Ферт.

– Надо передать лекарство, – показал парень крошечный пузырек в коричневом стекле, – Соль только сегодня закончил настаивать, срок хранения маленький...

– И поэтому он решил требовать с меня обещание? – скептически изогнул бровь Ферт.

– Соль знал, что вы спросите, и сказал ответить так: «Че надо, то надо, тебе знать не надо», – как-то не слишком уверенно закончил Кит. – Он еще кое-что

сказал, но это уж я повторять не стану, не такой я и дурак.

– И что же? – все же спросил Ферт, а Кит вспомнил, как Соль на его протест повторять это сказала, что Ферт все равно спросит.

– Что если ты, щекастый хрен, не возьмешь попу в руки и не сделаешь так, как просит парень, то, считай, все начнется в эту же ночь... – слово «попа» было вставлено уже самим Китом, так как мальчик считал, что это не так обидно, как могло бы быть в исходном варианте послания.

Ферт как-то заметно посерьезнел, после развернулся и, не оглядываясь, направился туда, куда, собственно, Кит и просил.

Мужчина только вернулся на свое дежурство к дому Соль, после того как сопровождал господина на прием. Знал бы, остался бы там. Кит же, напротив, почему-то немного расслабился и почувствовал странную уверенность в успешности предприятия.

Когда они вошли в госпиталь, Кит уже выученным маршрутом направился к отделению для лежачих больных. И все одно: какие бы доводы ни приводила Соль, он не понимал, для чего им в их ситуации еще и лежачая больная. В конце концов, даже если эту самую Терезу удастся привести в чувство, что дальше? Кто знает, каким она была человеком? Это раз. И, находясь в бегах, таскать за собой лишний «груз» не лучшая идея. Это два. Даже он это понимал.

– Давай, только быстро. Господин был уверен, что ты решишь удрать в эту ночь, и просил глаз с тебя не спускать, – сказал Ферт, входя в свободное в это время от сотрудников госпиталя отделение.

Надо сказать, что Кит был не из тех подростков, что привыкли к домашнему уюту и спокойствию родных стен. После того как умер отец, ответственность за их небольшую семью перешла к нему. Он был слишком мал, чтобы работать физически, но и не мог допустить, чтобы мать стала продавать себя за краюху хлеба. Дети в семьях, как у него, взрослеют рано. И мальчик все прекрасно понял, когда пришла весть о том, что отец умер. Потому, как мужчина, которому отец велел заботиться о матери и сестре, Кит стал делать то, что умел. С ранних лет он ходил по тем тропам вместе с отцом. Он знал их очень хорошо, лучше многих. Потому быть проводником для сомнительных личностей стало его

призванием. Вот только, когда в его деревню пришла черная хворь, то, что должно было уберечь семью, спасло именно его. Злая насмешка судьбы: его полная опасности работа спасла его. Жаль, что не семью. И теперь, даже несмотря на то что Кит привык к ощущению опасности, он не мог унять волнение внутри себя. А вдруг что-то пойдет не так? Вдруг состав подведет? Вдруг не получится активировать телепорт?

Он беспрепятственно дошел до нужной койки, но убедился, что Ферт и не думает оставлять его одного. Все, что ему теперь оставалось, – это следовать последним наставлениям Соль.

– Ой, – ахнул парень, как ему показалось, весьма ненатурально, когда флакончик выпал из его рук и разбился.

– Айд тебя ра... – не сумев договорить, Ферт озадаченно посмотрел на разлитую на полу жидкость и странный дымок, идущий от нее. Сделал неосторожный вдох и ничком упал на пол.

«– У тебя будет не больше трех минут, – вспомнились Киту слова Соль, которые она ему сказала, когда отдавала крошечный флакон. – Состав, усиленный при помощи дара, для аланита может быть опасен. Я не смогу сделать его действие продолжительнее без вреда для Ферта, потому, как только он упадет, тебе следует тут же проткнуть палец и приложить его к голове птицы... придурок, это не дельфин! Что, не видно, что ли? Крылья, клюв... Что с тебя взять, дубина, – отмахнулась тогда она, объясняя рисунок, что сама же и нарисовала, не имея возможности показать настоящий амулет. – Проведешь пальцем с запада на восток, голова должна повернуться следом. Это вернет тебя домой, где бы ты ни был, понял?»

Он, конечно же, понял, но не мог отказать себе в удовольствии заставить ее объяснить ему все еще раз.

И вот теперь он сноровисто проткнул осколком стекла свой палец, взял Терезу за руку и уже приготовился сделать то, что сказала Соль, когда двери в палату распахнулись и на пороге возникло трое студентов-оборотней. Кит спешно прикоснулся к амулету и повел пальцем, когда эти трое кинулись к нему. Кто был быстрее – он или трое нелюдей, в чьих жилах текли сила и магия? Но он постарался, как мог, и последнее, что почувствовал, – как на его предплечьях

сомкнулись две пары рук. Благо, что он все же успел.

Дорэй растерянно замер, качнув гривой пепельных волос, и, не скрывая усмешки, посмотрел на аланита, лежавшего на полу. Пусть не втроем, но двое из них успели. Стоит проваливать, пока распростертый на полу аланит не пришел в себя.

Глава 1

Первое правило человека, которого волею судьбы занесло туда, где быть его не должно, – никогда и ни при каких обстоятельствах не показывать, что чувствуешь себя неловко. Все нормально, не стоит суетиться. А если ты к тому же старый дед, то до тебя и вовсе нет никому дела... Все будет выглядеть так, словно ты не примкнул к каравану с невольниками незаконно, а вроде как всегда тут и был. Что сказать, пограничная крепость ожидаемо была тем местом, откуда множество караванов устремлялись в Иртам и Илонию – страны, что находились с противоположной стороны от Элио. Чем торговали? В основном рабами. Еще экзотическими животными, кое-какими специями, тканями, ну и прочей диковинной дребеденью с магической начинкой.

О том, как я по собственной воле влезла в одну из клеток, где находились рабы, предназначенные для службы низшими слугами и прачками, я, пожалуй, расскажу так. На рассвете всем ключевым фигурам, которые способны были мне помешать, нестерпимо захотелось спать. Собственно, мои будущие попутчики были одними из первых, кто провалился в непробудный сон. Потом дело оставалось за малым: вскрыть обычный замок, для чего хватило бы знаний первого курса университета; влезть в повозку; защелкнуть замок; уместиться между одной непозволительно толстой для рабыни теткой и низкорослым мужичком. И точно так же, как они, погрузиться в оздоровительный сон. Нет, я, конечно, не очень люблю рабство, но еще меньше – ходить пешком по диким землям в одиночку. Думаю, никто не будет против подвезти несчастного дедушку до дома.

Почему все оказалось так просто? Ну, объяснение является столь же простым, как и способ проникновения в караван. Рабы, которые не имели пока хозяина, не имели и клейма. Ведь клеймо невозможно свести для обычного человека как с

ауры, так и с тела. Рабы, которых перепродавали повторно, считались порченными или «второсортными», поскольку на них уже стояли отметки прежних хозяев. И чем меньше было таких отметок, тем дороже можно было продать «товар». То есть фактически к людям, которым предстояло длительное путешествие через Элио, относились как к весовому товару, часть которого могла и испортиться за время пути. Особенно к рабам, что не были элитным товаром – не принадлежали к расам не-людей. Таким образом, в глазах караванщиков моя клеть была чем-то вроде телеги с кучей картошки. Магическая простенькая сеть и вовсе не среагировала на мое проникновение. Сойти я собиралась тогда, когда до дома будет рукой подать. А пока же мне было проще путешествовать там, где была какая-то защита от набегов, выдавались минимальный паек и какая-то толика воды. Да еще и не ногами топтать, а подвезут почти с комфортом.

Проснулась я, уже когда солнце неумолимо тянулось к земле. Вечерело. В клетке, которую тащило несколько запряженных в нее песчаных ящеров, особенно ничего не изменилось. Разве что качало немного. Но я не в претензии, меня все устраивало. Я с комфортом разместилась на пухлом мягком плече соседки, которой при всем желании было некуда от меня деться.

- Проснулся? – хрипло осведомилась она.

- She so er? – ответила я на языке Ис'шера, что по моим скудным познаниям означало что-то вроде «Кто съел сыр?».

- Ис'шерец? – удивленно вскинула бровь попутчица.

- Il so she, – ответила я то, что помнила из школьной программы и что переводилось как «я съел сыр».

- Совсем не понимаешь?

- Du so she, – «ты съела сыр» было моим ответом.

- Да, – сочувственно покачала она головой, – тяжело же тебе придется. И так найдут, за что выпороть, а ты еще и не понимаешь ничего, – поцокала она языком, а я блаженно прикрыла глаза. Хоть одно радует – говорить с соседями не придется.

Два дня наш караван медленно плелся по почти безжизненной степи, «чертогам в Айдово пекло», как порой говорили об этой земле люди и те, кто уже давно забыл, чем была эта земля прежде. Два дня пешего пути, когда пейзаж вокруг не меняется, сколько бы ты ни шел, и невольно тебе начинает казаться, что ты топчешься на месте. Пугающее ощущение, если, конечно, фокусироваться на нем. В этих землях был сухой и как будто бы спертый воздух, редкий ветерок мог коснуться путника за долгие дни путешествия. Неизвестно, что хуже: мертвая пустыня Элио или все еще умирающая земля, агония которой продолжается не одно столетие. Когда-то тут были вечно зеленые вековые леса Эйлирии. Тут же произрастали деревья, из которых был сделан мой посох – последнее напоминание о прошлом этой земли.

За время нашего путешествия я старалась лишней раз не напоминать о своем существовании. Не пыталась с кем-либо заговорить или как-то иначе дать о себе знать. Моя не в меру живая соседка вскоре потеряла ко мне всякий интерес. К тому же после того, как я побывала в свинарнике крепости, от меня не особенно приятно пованивало. В моей клетке было больше тридцати человек. О минимальном комфорте или возможности прилечь речи не шло – путешествовали сидя плечом к плечу. Раз в день ящеры, что тянули наши клетки, останавливались будто по команде, хотя было этому и другое объяснение. Почти слепые, эти твари прекрасно улавливали запахи, равно как и слышали на порядок лучше людей. Их остановка значила лишь то, что где-то впереди человек, чьей задачей было кормить рабов и скотину, открывал короба со снедью для нас. А стало быть, уже совсем скоро в клетку закинут мешок лепешек и пузатый бурдюк с водой. Твари получают кусок тухлого мяса, над которым еще некоторое время будут возиться, пытаюсь урвать побольше. Собственно, в клетках с товаром творилось ровно то же. Кто успел – тот поел и попил, кто нет – тот к концу пути покормил собой средство передвижения. Поскольку в моей клетушке сидели в основном люди средних лет, сильно изможденные, то уже с момента первого вброса нам лепешек лидирующие позиции по получению пищи заняла я – пожилая, но все же достаточно активная особа, чтобы обогнать тощего старика или упитанную тетку-соседку. Таким образом, я стала негласным лидером клетки, поскольку делить на всех припасы приходилось мне. Люди, окружавшие меня, в большинстве своем имели не очень хорошее здоровье. Это причиняло мне дискомфорт. И единственный способ, который я знала, чтобы унять его, – это помогать. Потому каждая лепешка, каждый глоток воды несли в себе частицу моей силы. В такие моменты я чувствую себя по-настоящему бесполезной. Точно идиот, пытающийся ложкой вычерпать океан. С высоты прожитых лет я понимаю, что это бесполезно, и все

равно продолжаю делать это.

Была тут и женщина, которая особенно тревожила меня. Беременная женщина, если быть совсем точной в определениях. Каким образом она оказалась в этом путешествии, было мне и вовсе непонятно. Кто мог взять ее в поход? Разве не очевидно, что это слишком опасно? Элио не прощает слабость! Жадное солнце заберет любого, кто не будет в силах о себе позаботиться. Милосердная ночь убьет тихо, просто заберет твою жизнь поцелуем, которым ты наконец-то согреешься, чтобы больше не дышать. Время этой женщины, как и ее нерожденного дитя, было на исходе. И именно то, что исход этот был противоестественным, заставляло меня все чаще смотреть на нее, чувствовать ее и ребенка, прислушиваться к ним.

– Вот дура, – заметив мой взгляд, поделилась мыслями соседка. Зачем она говорила со мной, было и вовсе непонятным, раз, согласно легенде, я ее не понимала. Но тетку, казалось, это совершенно не волновало. – Идиотке предложили отдать новорожденного для ритуала обретения любимого, – против воли я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, что за ритуал такой. – Хорошие деньги предлагали, службу при богатом доме, всего-то и надо было – добровольно отдать приплод... – Последние слова против воли заставили меня вздрогнуть. – Какая разница-то, в сущности, так бы хоть о себе позаботилась, а тут и себя, и... эх, – тяжело вздохнула соседка. – Мы с ней из одного дома проданные, потому я и знаю. Сейчас частенько богатенькие аланис интересуются новорожденными: поговаривают, с их участием магия такая получается, что никто не устоит.

Это правда, я знала еще из курса общей магии, что жертва во время ритуала придает заклятию большую силу, но имеет огромную отдачу. Еще тогда с этим старались не связываться, и подобная магия была под запретом. Убийство – это всегда выброс энергии, которая может усилить любое воздействие, но эта же энергия совершенно нестабильна и рассеивается едва ли не быстрее, чем настигает свою жертву. При этом пострадать могут как сам заклинатель, так и те, кто просто мимо проходил. Но неужели подобные варварства совершаются в империи по сей день? «Ритуал обретения любимого» – что еще за ерунда такая?! И «добровольное согласие» – фраза, которая зацепила меня. У новорожденного еще нет своего «я», но есть мать, которая является одним целым с ним...

Темные мысли бродили в моей голове. Слухи или нет, но не могло быть все так просто... не могло...

- Вся соль, прости, Соль, - усмехнулся Зорис, - в желании, понимаешь?

- Что ты этим хочешь сказать? Я или Киран недостаточно сильно желаем отдать часть себя своему сыну? - возмущенно нахмурившись, спросила девушка, бросив взгляд, полный негодования, на мужчину.

- Нет, конечно, я не то имел в виду... м-м... как бы объяснить... Понимаешь, бессознательно любой организм желает быть целым. Наше тело, наша сущность, наше осознание самих себя стремится выживать, понимаешь?

- Понимаю, - кивнула она, - но разве я не отдаю часть дара тому, кто болен, добровольно?

- Это не то, - покачал он головой. - Ты отдаешь то, что можешь отдать, но для того, чтобы Дорин стал таким же, как мы, этого мало...

- Я готова...

- Ты - да, но не то, что дано нам сверху. Оно неделимо, и оно же не желает оставаться таковым.

- Тогда я не понимаю, - устало вздохнула она, все же опустившись на предложенный стул.

- Осознания быть не должно, лишь желание, - тяжело выдохнув, сказал Зорис.

- А, если отдать все? - с какой-то затаенной надеждой спросила она.

Мужчина тепло и с нескрываемой болью посмотрел на нее.

- Ты хочешь продлить его жизнь или подарить проклятье? Жизнь никогда не пойдет добровольно на смерть.

- И что? - прерывисто выдохнула она. - Что мне делать, брат? Ему уже пятнадцать... пятнадцать лет прошло, а мы не продвинулись ни на шаг, - перевела она блестящий взгляд на мужчину, что сидел напротив нее. - Еще

пятнадцать лет как мимолетный вздох... я не успеваю...

– Мы не успеваем, но обязательно успеем, – положил он руки на ее крепко сжатые кулаки.

Воспоминания прошлого, столь неожиданно возникшие перед мысленным взором, заставили меня посмотреть на эту женщину несколько иначе. Решение было принято еще до того, как я толком смогла его осмыслить.

Ох, как всегда...

Уже к вечеру стало понятно, что в запасе у меня осталось не больше суток. Это при условии, что работоторговцы не решат просто выкинуть новорожденного, а согласятся подождать, пока он сам испустит дух. На закате, стоило нашему каравану остановиться на ночлег, у женщины отошли воды.

– Твою ж мать, – сплюнул старикашка, что сидел рядом со мной плечом к плечу. – Только этого не хватало...

Вопреки моим ожиданиям, вокруг будущей матери не было никакой сутолоки. Женщины не пытались огородить ее от окружавших мужчин, создать хоть какую-то имитацию того, что происходящее имеет значение. В конце концов, хотя бы помочь советом могли бы?! Я уж молчу о хозяевах, которые и не пытались принять участие. Тяжело вздохнув, я поднялась на ноги и попыталась пройти к роженице.

– Куда, полоумный, никак помрет во время родов, ты же и виноват будешь, – попытавшись схватить меня за руку, возмущенно зашептала соседка.

– У меня не помрет, – на чистом общеимперском ответила я, увернувшись от цепких рук. – И половину простыни, что напялила, оторви, таким платьем только кораблями в море править, – хмыкнула я, выразительно посмотрев на отрез ткани, в который было завернуто ее весьма объемное тело.

Осторожно пройдя к женщине, стараясь ненароком ни на кого не наступить, я опустилась на колени у ее ног. Посмотрела в глаза, в которых читалась

обреченность вкупе с отчаяньем, затравленное выражение лица. Почему-то я вспомнила себя, когда Киран сказал о решении Дорина: мне кажется, я тогда смотрела так же.

– Твоему сыну пришло время появиться на свет, – тихо сказала я хриплым старческим голосом, касаясь ее ног. – А тебе пришло время ему в этом помочь, поняла?

Женщина съежилась – то ли от моего прикосновения, то ли потому, что не ожидала, что кто-то захочет ей помочь.

– Что зажалась вся? – ворчливо осведомилась я. – Ну, поди, месяцев девять назад надо было сим заниматься, а теперича-то чего? Ну-ка, девка, дай погляжу, чаво там у тебя не так, как у других.

– В-в смысле? – сквозь слезы поинтересовалась она.

– А чего я там не видел, думаю, такого, раз ты из обычного дела такой секрет городишь? А ну, ноги раздвинула, нашла время, право слово!

– Я... – всхлипнула она, когда как я, натянув на пальцы рукав куртки, утерла ей сопли.

– Ноги раздвинь. И это все, что вам, бабам, и надо-то делать, чтобы чаво важное случилось! А вы, оглоеды, – обратилась я уже к публике, что тарацилась в нашу сторону, – если не хотите, чтобы в случае чаво сказал, что это вы девку уморили, отвернулись в противоположную сторону и считайте звезды. Да не волнуйси, – прошептала я уже пациентке, – не помрешь, последний зуб даю!

Думаю, если бы на помощь нерожденному не пришла первая схватка, которую так легко было начать, вытирая сопли его не к месту стеснительной мамаше, она бы, может, еще подумала, верить мне или нет. Но тут уж она готова была показать мне все и даже немного больше, чтобы я, цитирую, «вытащил эту штуку».

Довольно улыбнувшись, я приступила к делу. Ночь обещала быть веселой. «Штука» была крупной, и вылезать ей было очень тяжело.

Вопреки всему, больше всего в своем призвании я любила принимать роды – когда сквозь крики матери, боль, кровь и отчаянье от того, что это, казалось бы, невозможно, в мир приходит новая жизнь. Это чудо рождения заставляло мое старое измученное сердце верить. Верить в то, что нет ничего невозможного, что жизнь всегда найдет выход, особенно если ей немного помочь. Когда в твоих руках делает первый вдох, ознаменовав свой приход в этот мир звонким криком, новый человек, то ты вопреки всему веришь, что у него может еще получиться сделать мир лучше. Ты видишь лишь чистоту незапятнанной души, не оскверненную тяготами и невзгодами этого мира.

– Ну, милая, давай, сильнее, сейчас, – тем временем продолжала говорить я с женщиной, что, казалось, уже совершенно выбилась из сил.

В мире Айрис была темная ночь, развеваемая лишь пламенем нескольких костров, когда в почти мертвых землях некогда вековых лесов Эйлирии зародилась новая жизнь. Последний толчок сквозь крик, сжатые добела кулаки, тщетно пытающиеся найти поддержку в смятой ткани платья, – и выдох, полный облегчения, потому что кричит уже кто-то другой, чей крик говорит миру о его появлении на свет. Невозможно не улыбнуться в ответ на этот зов, чтобы поприветствовать дитя, что пришло в мир Айрис в эту стылую ночь. Рассечь пуповину мне нечем, лишь мой собственный дар, который разведет края тканей.

– Ты славно потрудились, дорогая, – сквозь улыбку сказала я, беря кусок полотна, что выделила нам моя соседка, – молодец, замечательный мальчик.

– Мальчик, – слабо прошептала она, даже не пытаясь приподняться, чтобы взять малыша, – настолько вымотали ее эти сложные роды. Я же, вручив ребенка ближайшей соседке, полезла к роженице под юбку, как это ни странно прозвучит. И дело вовсе не в том, что я окончательно сбрендилась, – просто, чтобы восстановить ткани, убрать разрывы, правильно и быстро сократить матку, мне нужно было уединение, а времени на то, чтобы женщина восстановилась самостоятельно, у нас не было. Теперь оно работало против нас. Соответственно, где еще может уединиться сияющий нежно-голубым дед, как не под юбкой у женщины... Что за жизнь?!

Выполнив то, что было необходимо, и влив в женщину необходимую часть своей силы, я вылезла обратно и тут же встретила с ехидным взглядом старикашки, что весь путь был моим соседом. Извращенец, похоже.

– Че зыришь? – совсем даже невежливо поинтересовалась я. По всей видимости, не ожидая такой грубости, мужичок несколько смутился и заерзал, думая, что ответить. – Только рот разинь – во сне удавлю, понял? – без обиняков просветила я дядьку о его возможной участи.

Больше не обращая внимания на ненормального с моей точки зрения дядьку, я посмотрела на женщину, что сейчас во все глаза глядела на меня.

– Кто ты? – одними губами спросила она.

– А ты? – так же поинтересовалась я. – Давай не отвлекайся, – заворчала я, – дите родила – так корми, а думать бабам вредно для здоровья. – Как это ни странно, даже после удачных родов помогать ей подняться или сесть никто не спешил. Все сидели замерев, точно зрители в театре в ожидании заветного слова «антракт». – Да боже ж ты мой, – продолжила я ворчать, повернувшись к соседке, что держала все это время младенца, – что, тебя паралич пробил? Вроде ж здоровая была корова, – припечатала я, забирая ребенка и передавая его матери.

– Они скоро придут, – раздался из-за спины голос «коровы», – они никогда не оставляют детей, не стоит ей его брать... лучше так, не видя...

– Не слушай никого, поняла? – смотря прямо в глаза женщины, что замерла с ребенком на руках, сказала я.

Должно быть, после того что было нами совместно пережито, женщина прониклась ко мне толикой доверия, потому скупно кивнула, тяжело вздохнула и стала пытаться приложить ребенка к груди. Выглядело это забавно. Это мало у кого получается с первой попытки.

– Да что ж это такое, что за бабы пошли... – возмущенно кудахтала я, в то же время ненавязчиво помогая своей подопечной. – Вот так, видишь, какой у тебя мужичок растет, лучше тебя знает, че ему и как надо, – хмыкнула я, краем глаза отмечая, как от одного костра отделилась группа погонщиков и направляется к нам. Айд, думала, хоть поспать до утра дадут.

– Ити иху мать, – сквозь зубы пробурчала я, снимая обувь, – ну что, обязательно на ночь глядя мои ноженьки морозить, – аккуратной стопочкой отодвинула свои

сапожки, сняла тканевые носки и, уже совершенно босая, поднялась и проследовала ко входу в клетку. Осторожненько присела напротив замка и при помощи своих скудных способностей отворила его, не спеша открывать дверь.

- Ты че там, полоумный? - поинтересовалась моя «соседка - повелительница кораблей».

- Гляди-ка ж, отмерла, - фыркнула я, не поворачиваясь к женщине, - сиди уж, не мешай.

- Но... - попыталась она возразить, и я, не стесняясь более собственной сущности, посмотрела на нее своим взглядом первородного.

- Разинешь рот - роды начнутся уже у тебя, поняла? - тихо осведомилась я.

Тетка лишь как-то кротко кивнула и тут же замерла, точно окаменела.

Тем временем к нам приближалось трое рослых мужчин. Один оборотень, тот, что шел посередине и был одет богаче, чем двое других - людей. Все трое были хорошо сложены, двигались неспешно, с какой-то ленцой, точно все происходящее было им давно знакомо и обременительно.

- Айд, я так и знал, что в дороге разродится, - жаловался один из людей. - Не люблю я это дело...

- Никто не любит, - буркнул оборотень.

- Все равно ребенок не сегодня - завтра умрет, так, может...

- Не может, - коротко отрезал оборотень, судя по всему, главный в этой компании. Мужчина был выше своих спутников, крепче сложен и выглядел на порядок мощнее, чем его подчиненные.

«Ты же крутой малый, только не вздумай сам открывать клетку», - взмолилась я.

- Валис, открой клеть, - скомандовал мужик, точно откликаясь на мой призыв, остановившись в десяти шагах от нас.

Валис оказался самым шуплым из троицы. И, стоило ему услышать приказ, как он тут же устремился его выполнять. В то время я, упершись руками в соседние прутья, приготовилась к диверсии. Мужчина приблизился к двери, мимолетно мазнув по мне взглядом, и склонился, чтобы отворить клеть.

«Ну, Двуликий, не подкачай», – взмолилась я и со всей силы ударила ногами по двери.

Надо сказать, эффект был потрясающим. Если бы эту историю я после рассказывала такому же первородному, как и я, то он оценил бы, чего мне стоило одновременно сломать человеку нос и навести через прикосновение с дверью клетки на него исцеляющие и сонные чары. По факту же Валис, получив металлической дверью в нос, рухнул точно мешок с картошкой и распластался на земле с широко раскинутыми руками. Треск ломаемой кости и звон металла, на мой взгляд, еще не успели стихнуть, как я оказалась снаружи.

Стоило моим ступням соприкоснуться с поверхностью земли, я точно обратилась внутрь себя. Помните, я говорила, что после смерти моих братьев я все время чувствовала: сила внутри меня изменилась? Вырос ее объем и резерв. Я чувствовала это, но никогда прежде не решалась это проверить. Слишком пугали меня последствия соприкосновения с ней. И вот я тут. Ну что ж, просто стоит списать это на то, что я старая идиотка. Ибо быть придурком все же не так ответственно, как героем. Потому я та самая дурочка Соль, которая, прожив не одно столетие, все еще верит в чудеса, мечтает и надеется, что, быть может, у того мальчика, что приняли в эту ночь ее руки, все будет иначе...

Чуть прикрыв веки, я точно потянулась внутрь себя, к той силе, что столь долго дремала внутри. Я видела, как оборотень начал менять свой облик, устремляясь ко мне. Как чуть с опозданием ринулся в мою сторону и его спутник. Как поднялись рослые фигуры у костров, привлеченные незапланированным шумом. Но все это происходило где-то там, вдалеке. Как сквозь толщу воды, они двигались медленно и нелепо, в то время как сила устремилась ко мне: точно ласковый и так давно покинутый хозяином зверь, она тосковала по вниманию, ей хотелось быть признанной. Эта сила жизни, невероятная, мощная, неустрашимая, текла по моим венам, наполняя сиянием каждую клеточку моего тела. И я принимала ее. Мы правда были рады друг другу в этот момент, точно любимые, что давно не знали объятий друг друга. Она ластилась ко мне, нежно касаясь сердца, а я вдруг почувствовала себя цельной. Впервые за три долгих

столетия я ощутила себя точно ребенок в темном лесу, которого наконец-то нашли... Что это было, думать было некогда, потому, не обращая внимания на слезы, что теперь текли из моих наполненных нежным сиянием глаз, я отпустила эту силу, стоило оборотню сделать всего несколько шагов ко мне. Тончайшие нежно-голубые змейки в ту же секунду устремились во все стороны, расползаясь по земле точно корни дерева. За доли секунды они покрыли собой весь лагерь, клетки, животных, людей. И в тот же миг паутина под моими ногами погасла, а я оказалась в центре поляны, где царил такой храп, что впору было заткнуть себе чем-нибудь уши. Вопреки моим страхам, сила вернулась ко мне и, точно поняв, что в ней нет пока больше нужды, успокоилась и задремала, напоследок еще раз окатив меня волной нежности. К моей радости, у меня не возникло маниакального желания торчать в этом лагере до утра и исцелять все хвори подряд. Пока, во всяком случае, ничего такого не наблюдалось. Напротив, я чувствовала только легкую досаду, что все закончилось так быстро.

- Кто же вы? - раздался женский голос молодой матери из-за моей спины.

- Я? Крутой старый перец, полагаю, - фыркнула я, повернувшись к ней лицом. - Стоит поспешить, - сказала я, убедившись, что пассажиры моей клетки так же довольно посапывают. К слову сказать, спали все, кроме нас троих. - Эти проснутся совсем скоро, - кивнула я в сторону рабов, - но нас к тому моменту здесь быть уже не должно. Идем, - зашагала я в сторону костров.

- Но как? - раздалось позади меня вместе с осторожными шагами.

- На эртах, конечно, как еще, - посмотрела я в сторону, где спали огромные хищные быстроногие ящеры, на которых путешествовали работоторговцы и охрана каравана. Не чета тем жирным гусеницам, что тащили клетки с рабами. Мощные мускулистые тела ящеров покрывала лоснящаяся черная чешуя, которая надежно закрывала их как от палящих солнечных лучей, так и от страшных морозных ночей Элио. А уж как эти твари бегали по пескам - просто нечто. Правда, могли сожрать седока, если тот был недостаточно умелым.

- Ваша обувь, - поспешила за мной женщина, напоминая о том, что я, казалось, и вовсе позабыла в свете последних событий.

- Спасибо, - поблагодарила я, немного притормозив и обернувшись, чтобы забрать забытое.

– Но, – растерялась она, прижимая к груди перепачканный сверток, – я не умею ездить на... этом, – кивнула она в сторону спящих тварей.

– Зато я умею, – отмахнулась я, – твоя задача сейчас – это найти три одеяла, теплую одежду, легкую одежду, немного еды и воду. Все это надо сделать, пока я открываю остальные клетки.

– Вы всех собираетесь взять с собой? – удивленно вскинув брови, спросила она. – Я думала, он послал вас только за мной... за нами, – поправила она себя, взглянув на малыша.

– Кто? – нахмурилась я. – Хотя не важно, – отмахнулась я, – потом. Никого я с собой, кроме тебя и твоего ребенка, брать не собираюсь, но и просто удрать не совсем честно, как считаешь?

– Пожалуй, так...

Говоря откровенно, идея спасения матери и ребенка не нравилась мне все больше. Во-первых, ребенок оказался полукровкой, что само по себе из ряда вон. Во-вторых, я прожила достаточно лет, чтобы уловить блеск глаз влюбленной женщины, которая говорила о «нем». Сделать выводы просто: маленькая черноволосая рабыня, у которой родился белокурый сынок, наполовину аланит, была влюблена в того, кто ее... м... сделал беременной и, по ее мнению, имел достаточное влияние, чтобы организовать ей побег. Подумать о том, что ему, судя по всему, это ни в одно место не впилося, ума у нее не хватало. Стало быть, влюбленная во влиятельного аланита идиотка равно вредоносный балласт. Но айдов дар нашептывал иное: бросить сейчас ребенка – все равно что приговорить его к смерти.

– Послушай меня очень внимательно, женщина, – подошла я к ней так близко, чтобы наши глаза встретились, – если однажды ты надумаешь доставить мне проблемы, то, будь уверена, заплатишь больше, чем выгадаешь, усекла?

– О чем вы? – растерялась она. Это и было понятно. Она не обладала тем звериным чутьем, которое спустя годы жизни выработалось у меня на поведение других людей. Но я точно знала: если человек недостаточно образован и развит, как, скорее всего, она, и к тому же влюблен не в того, то в будущем он приносит проблемы не только себе, но и окружающим. Авансов я не давала.

– Надеюсь, что ни о чем, – пожалала я плечами. – Иди, – кивнула я в сторону костров. – У нас не так много времени.

Уже через полчаса мы стояли около спящих эртов. Выглядели эти огромные монстры ужасающе. Их поджарые мускулистые ноги своим строением напоминали паучьи лапы. К туловищу они были расположены под прямым углом, зато само оно было длинным и удобным для езды на монстре. У тварей была плоская спина, вытянутая морда, мощные челюсти с внушительным рядом острых зубов, длинный гибкий хвост. В длину тварь была около шести метров, в высоту... ну, я могла задорно болтать ногами, сидя на ней, и швырять камешки в голову врага.

– Я боюсь их, – прошептала моя попутчица.

– Нашла кого, – фыркнула я, – с ним хотя бы точно знаешь, что он тебя сожрет, если что, – притронулась я ладонью к гладкому лбу ящера, касаясь его и своим даром. В тот же миг распахнулось два янтарных глаза с ниточками черных зрачков, и ящер высунул раздвоенный язык, чтобы лучше сориентироваться в происходящем.

– Тью, тью, – пропела я высоким голосом. Надеюсь, что за последние годы азбука погонщиков не поменялась – пешком идти совсем не хотелось.

Я не переживала, что он может сожрать меня. По неведомой мне причине животные любили меня и мне подобных. То ли чувствовали, что в нас есть частица жизненной силы, то ли считали нас безобидными придурками, но, как бы там ни было, ни разу в жизни меня не покусал ни один зверек. А может, вопреки людским надеждам, они все же были умнее нас. Хотя то, что они чувствовали в нас частицу Двуликого, я почти не сомневалась, особенно когда некоторые из них сами приползали к моему порогу, будучи на грани смерти. Проблема была в том, что я не знала звериного языка и не умела по щелчку пальца управлять ими. Потому я очень надеялась, что в школах погонщиков ящеров чтят традиции и дрессируют этих достаточно умных и хитрых тварей так же, как и столетия назад.

Ящер лениво прищурился, точно раздумывая о чем-то своем, а после так же медленно приподнялся, оторвав свое огромное тело от земли ровно настолько, чтобы погонщик мог пристегнуть к нему все необходимое для дальнего

путешествия. Чем я, собственно, и занялась.

- Отлично, - довольно улыбнулась я. - Тца, - шикнула, в то же время ящер послушно опустился на землю и замер. - Теперь, главное, лево и право не перепутать, а? - хмыкнула я, обернувшись к женщине, что зачарованно следила за мной.

- Обалдеть, - искренне выдохнула она.

- Давай не будем терять время...

Спустя сорок минут я открыла все клетки и пристегнула нашу поклажу к широкому седлу, на котором нам предстояло проделать путешествие в самое сердце Элио. Следовало поторопиться. Не хотелось бы, чтобы кто-то решил нас догонять и в этом преуспел. В то время, пока женщина пыталась неловко взобраться в седло, всякий раз замирая, стоило ящеру высунуть язык или вздохнуть, я держала ее ребенка, борясь с желанием отвесить ей волшебного ускоряющего пинка.

- Девка, не доводи до греха, усаживай свою задницу пошустрее, - все же не выдержала я.

- Я не могу, - дрожащим голосом ответила она, в очередной раз замерев, стоило твари глубоко вздохнуть. Мы с ящером обменялись, как мне показалось, понимающими взглядами: он почти открыто раздумывал, не перекусить ли на дорожку.

- Не, приятель, надо будет пробежаться, так что точно не сейчас, - покачала я головой, когда «приятель» весьма очаровательно прикрыл глаза.

- Что? - обернулась женщина на мою реплику и снова замерла с поднятой ногой.

- Да сядешь ты или нет, мать твою душу! - не выдержав, рывкнула я, и девка опрометью вскочила в седло. - То-то же, - одобрительно покивала я, передавая ей самодельную люльку, которую стоило надеть на себя через голову, чтобы не держать все время ребенка на руках и не бояться его уронить. - Можешь держаться за меня, - наставляла я, вскакивая в седло впереди нее, - но особо не

усердствуй: не будешь дрыгаться без надобности – и так не упадешь.

Средство передвижения не предусматривало поводья. Оно управлялось командами во всем: начиная от скорости, с какой будет двигаться ящер, и заканчивая тем, когда ему можно есть. О том, как достигалось подобное послушание, красноречиво говорила изуродованная страшными шрамами кожа животного. Боль способна выточить любое орудие из любого существа. Однажды даже самый крепкий разум не выдержит и сломается, начиная перетекать в ту форму, которую задумал тот, кто решил, что у него есть право на это.

– Тью, – в очередной раз пропела я, стоило нам оказаться в седле. Ящер поднялся во весь свой немалый рост. – Хима, – скомандовала я, и тварь под взвизгивания моей попутчицы начала поворачиваться направо. – Ча, ча, ча, – вновь отдала команду я, ускоряя его.

Ветер ударил в лицо, стоило этому огромному мощному зверю заработать лапами. Женщина позади меня тут же обняла меня рукой за талию, в то время как я не сводила взора с горизонта, где пробуждалось ото сна ярко-алое солнце моего мира.

Пришла пора возвращаться домой. Как бы я ни рвалась сюда всего несколько дней назад, сейчас мое сердце стремилось совсем в другое место. Все внутри меня точно покрылось корочкой льда. Эти несколько дней я запрещала себе думать о том, что произошло во дворце. Я знала, что, стоит мне начать размышлять над этим, спасительный лед, что сдерживал осколки моего разбитого сердца все это время, треснет. Я не смогу тогда добраться до дома. Мне кажется, я уже ничего не смогу, стоит этому произойти.

Глава 2

Возможности... сколько у него было этой эфемерной субстанции? Сколькими из них он успел воспользоваться, прежде чем стало поздно? Ни одной. Он знал ответ на вопрос, что крутился в его голове. Он не сделал ничего. Поздно ли теперь что-то менять? Или же у него остался последний шанс? На что он способен, чтобы не потерять и его? Сомнения? Нет. Это неопределенность. Впервые в жизни он оказался перед выбором двух дорог. И если раньше он без

сомнения знал, какой путь его, то сейчас он спрашивал сам себя, чего будет стоить в его жизни иной путь, если у него хватит силы духа выбрать его. Раньше ему казалось, что смелость нужна на поле битвы или для сплетения одних интриг и распутывания других. Он не знал тогда, что на самом деле это просто. Он не понимал, что самое сложное – когда ты случайно оставил свое сердце и даже сам не понял, как это произошло. Сложнее всего отважиться и шагнуть вслед за той, которая неосторожно забрала его с собой.

Что произошло во дворце? Как мог сработать тот телепорт и забрать ее из его рук, когда вся его магия, казалось, так крепко удерживала ее? Что на самом деле он знал о ней, чтобы однажды вообразить, что она в его власти?

– Я идиот, – с придыханием сказал он, тяжело прислонившись лбом к прохладной глади стекла. За окном сгущались сумерки. Алания готовилась ко сну.

– Это уж точно, – раздался голос его все еще друга за спиной.

– Ты же знаешь, куда она отправилась?

– Нет, – не моргнув и глазом, соврал Трэй. – Я никогда не спрашиваю, когда она уходит, она никогда не говорит. Это позволяет ей быть в безопасности, а мне – неопасным для нее.

– Слишком много деталей для правдивого ответа, – сказал я, повернувшись к нему лицом. – Скажи мне, я обещаю...

– Не надо, я не скажу и не поверю.

– Почему ты так поступаешь, могу я узнать? – прищурившись, спросил Рейн.

Некоторое время мужчина не отвечал, точно и не услышал вопроса друга, а после, будто что-то для себя решив, заговорил:

– Почему ты продолжаешь спрашивать? Разве ты забыл, кто твоя настоящая страсть?

– При чем тут?..

– Дослушай сперва, – оборвал его Трэй, – ты хочешь вернуть ее? Для чего? Допустим, ты решишь принять ее в свой Дом, сделаешь ее верховной наложницей – ведь даже женой не сможешь, – посадишь под замок в своей резиденции, будешь проводить ее время от времени, рассказывая о том, как любишь, и о том, как она важна для тебя, так? Это лучшее, что ты можешь дать ей в рамках вашего мира.

– Но...

– Нет, про «но» расскажу тебе я. Соль не женщина, с которыми ты привык иметь дело, понимаешь? Ее нельзя ввести в свой Дом и окружить роскошью, заботой, драгоценностями. Ради нее можно отказаться от мира, к которому ты привык, чтобы последовать за ней. Она ветер, она дождь, она огонь, небо и земля. Она такая же стихия. И как ты собираешься удержать ее, если не готов ничего потерять? Это невозможно. Ты просто не понимаешь: чтобы быть с этой женщиной, нужно отвергнуть все, что ты привык считать своим. Такова будет цена. И если ты не готов к этому, то не спрашивай меня о том, знаю ли я, где она. Ответ будет отрицательным.

– Я найду способ.

– Ты идиот, – усмехнулся Трэй. – Как ты не понимаешь, она не человек. Она не рабыня вашей Империи. Она стихия, заточенная в плоть.

– Откуда такие познания? – Рейну не понравилось, что Трэй говорит о Соль так, словно знает ее, как никто другой.

– Сколько желчи, – вновь усмехнулся оборотень. – Не волнуйся, ревность ни к чему. Когда-то я был готов отказаться от своего мира ради нее, только вот ей это оказалось не нужно. Я смирился, я понял и принял, но не перестал любить, и у меня хватает смелости сказать тебе все это в лицо, потому что я, волк во мне, преклоняется и чтит ту силу, что скрыта в ней.

– Ты говоришь так, словно для тебя нет никого важнее нее.

– Ты вряд ли понимаешь, – с едва уловимой грустью в голосе заговорил Трэй, – но для мужчины, стоит ему встретить ту единственную, и впрямь не остается

никого важнее в целом мире. Если ты все еще выбираешь, что для тебя важнее, то это всего лишь означает, что это не она.

– А может быть, это всего лишь показатель того, что я взрослый мужчина, осознающий всю свою ответственность за тех, кто под моим крылом? Тебе собственные рассуждения не кажутся незрелыми?

– Чушь, – отмахнулся Трэй. – Все чушь.

Рейн собирался возразить, когда их уединение нарушил легкий стук в дверь.

– Войдите, – сдержанно ответил он, хотя по большому счету не желал видеть никого, кто не мог бы принести ему информации, что так сильно интересовала его сейчас.

– Господин, – Ферт, склонившись, дожидаясь дозволения говорить, и, как только получил его, тут же поспешил сообщить своему господину: – В двухстах лэрах от восточной границы произошло нападение на караван.

– И? – прищурился Рейн, каким-то внутренним чутьем угадывая, что это не просто информация.

– Характер нападения необычный, – заговорил Ферт. – Погонщики клянутся, что даже не поняли, что произошло. Когда они очнулись, клетки с рабами были открыты и пропал один из ящеров. Рабов все еще ищут, потому точное число сбежавших пока неизвестно.

– И, дай угадаю, каравану предстояло следовать через Элио?

– Именно, – кивнул Ферт, – детали мне пока неизвестны...

– Но ты их узнаешь, – вкрадчиво произнес Рейн. – Учитывая твой последний промах, я на самом деле не понимаю, почему мы с тобой до сих пор не распрощались. Тебе следует постараться, чтобы что-то изменить в моих размышлениях о твоей дальнейшей судьбе.

– Я понимаю, – вновь поклонился мужчина, чувствуя, как тяжелая энергия аланита буквально пригвозждает его к земле. Во время болезни Рейна это не чувствовалось столь остро, но теперь находиться рядом с мужчиной, когда он был не в духе, было практически невыносимо.

– Позови ко мне брата, – сказал Рейн и, не дожидаясь ответа, повернулся к мужчине спиной. – Видишь, – обратился он уже к оборотню, – мне не нужна твоя помощь, кажется, я уже в курсе, где искать...

– Ну-ну, – усмехнулся Трэй, – всего-то и надо – перерыть песчаное море Элио.

* * *

– Как же жарко, – раздался очередной стон за моей спиной. – Это невыносимо.

Учитывая то, что уже второй день эта дамочка путешествует, укутанная в кокон из моей энергии, ее подвывания выводили меня из себя. Это мне жарко, а ей должно быть жарковато, не более. Я же, скрестив ноги перед собой, предавалась медитации, мерно покачиваясь на спине животного, что уже вторые сутки несло нас на своей спине в самое сердце Элио. Туда, где меня ждут. Впервые за многие столетия я направлялась в место, которое называла домом, и знала, что там меня ждут. Удивительное ощущение.

– Нам еще долго? Почему мы преодолеваем пустыню вместо того, чтобы вернуться в империю? Разве не таков был план?

«О как?»

– Я могу сбросить тебя с ящера и пропеть всего одно волшебное слово, чтобы твои мучения прекратились навеки. Ты только спроси меня о чем-нибудь еще, чтобы я окончательно уверился, что для тебя так будет лучше, и я это сделаю.

– Э? – вяло переспросила попутчица, судя по всему, не поняв, что я имею в виду.

– Слушай, – просто сказала я, – я не хотел начинать этот разговор в самом центре пустыни, но, пожалуй, следует это сделать, пока ты не навоображала чего-то вроде того, что я твой личный слуга, присланный сюда твоим

любовником.

- Но... - достаточно резво попыталась перебить меня девушка.

- Но я не из тех людей, которым можно долго и безнаказанно действовать на нервы. Ты - это то, что нужно ему, - указала я пальцем на младенца, - только по этой одной-единственной причине я взял тебя с собой. Так что лучше бы тебе перестать представлять себя моей госпожой, иначе оставшуюся часть пути ты пройдешь пешком. Улавливаешь?

- Простите... я просто... я...

Я не стала вслушиваться в ее невнятное бормотание. Для себя я уже решила, как поступлю с этой женщиной в дальнейшем, чтобы обезопасить и себя, и свое убежище. Честно сказать, взаимодействовать через мозг с чужим сознанием я не любила. Не потому, что боялась навредить человеку и его здоровью - в моем случае это невозможно. Просто то ли моя сила, то ли натура противилась такого рода влиянию на чужую личность. Но с другой стороны, думаю, что особого вреда не будет, если эта девушка просто забудет, как именно выбралась из пустыни и из лап работорговцев. Жаль, я не могла создать ей иные воспоминания, но порой и забвение может быть полезным.

Мы провели в этом долгом, изнуряющем путешествии пять дней. Как это ни странно, пустыня не была для меня невыносимым местом. Уже долгие годы это место было моим личным чистилищем в чертогах Айда. Пекло и зной, сменявшиеся лютой стужей, которая пробиралась в самые кости, не были чем-то невозможным - скорее, лишним поводом почувствовать, что ты все еще жив. Пребывая в положении, когда тебе приходится выживать, ты не находишь времени на то, чтобы заниматься самокопанием, выискивая демонов на задворках собственной души. И сейчас, возвращаясь домой, я не страдала от условий окружающей среды. Я любила это болезненное существование на грани. Оно давало мне сил оставаться той, кто я есть. Я ощущала себя так, словно вернулась в давно ждущий меня дом. Моя пустыня, моя Элио, моя душа.

Было так естественно знать, в какое время лучше остановиться на ночлег; когда отпустить на охоту ящера; где найти капли воды, которыми готова была поделиться пустыня. Ночью мы кутались во все имеющиеся у нас тряпки и залезали под бок ящеру, который хоть и не грел, но был неплохой защитой от

возможных ветров. Малыша и его мать спасала в такие ночи моя сила. В моем случае, даже если бы холод сковал мое сердце, оно бы вновь застучало с первыми лучами солнца. Бессмертие – еще та дрянь порой. Приходить в себя после обморожения совсем не весело, скажу я вам.

На шестой день нашего путешествия, когда солнце стояло в зените, опалая своими лучами все вокруг, на горизонте показались острые пики красно-желтой горы. Действительно было странно, как именно тут могла образоваться столь огромная скалистая глыба. Должно быть, теперь только я и Киран могли угадать в этих неровных очертаниях некогда величественный дворец, утопающий в листве садов, что меняла свой цвет в мгновение ока. Магически измененные растения, точно столичные кокетки, встряхнув своими кронами, сменяли цвет согласно предпочтениям хозяев. Когда грустила королева, сад становился голубым; когда родился Киран, листья в нем стали кроваво-багряными, в день нашей свадьбы – жемчужными. В тот день вся Эйлирия казалась воплощением волшебства и чуда, а быть может, это чудо жило в наших сердцах, и все казалось чуточку прекрасней, чем было на самом деле. Словно воочию я вдруг увидела картины прошлого, чтобы вновь сравнить их с настоящим, где были лишь желтые насыпи барханов и одинокая, дрожащая на раскаленном воздухе скала на фоне голубого неба. Еще через каких-то пару часов станут видны и камни у ее подножия, и вот тогда реальность вновь вернется ко мне. Я вспомню каждого из них. С каждым поздороваюсь и не смогу пройти мимо, не сказав им хотя бы пары слов. И неважно, как долго я шла и как сильно устала, – я никогда не смогу пройти мимо и не заметить их.

* * *

Пограничье, Срединные земли, полумертвая земля, которая уже давно пользовалась дурной славой среди караванщиков и жителей Империи. Пройти здесь караваном несложно при условии, что на вас не рискнут напасть разбойники, кочующие племена и прочий сброд. Несложно, если хватит воды и еды на весь путь. И если караван достаточно богат, чтобы иметь собственных пустынных ящеров, что выдержат путь и смогут перетащить товар на другой конец Элио к землям Илони и Иртама. Агония этой земли угнетала непривычных к подобному путников. Все здесь казалось блеклым, унылым, серым. Даже земля под ногами была похожа на прах, смешанный с пеплом. Редкая растительность и пожухлая трава на фоне тоскливого не меняющегося на протяжении километров пейзажа.

– И как это понимать? – Рейнхард, как и все присутствующие в общем-то, выглядел не на шутку озадаченным.

Говоря откровенно, он ожидал чего угодно, когда Ферт сообщил ему о том, что они нашли кое-что на месте разграбленного каравана, на что ему следует посмотреть самому, но он никак не ожидал увидеть в самом сердце степи... благоухающий сад? Ну, наверное, можно сказать и так. Хотя эти пока еще тонкие деревца и не принадлежали к культурным и благородным растениям, что было принято выращивать в садах, а скорее походили на те, что он видел в северных лесах Алании, но все же. Пушистый ковер зеленой сочной травы распростерся на площади в несколько десятков шагов в длину и ширину.

– Я не знаю, – смущенно заговорил Ферт. – Наши маги все тут осмотрели и не нашли ничего подозрительного. То есть следов примененного заклятия не найдено.

– Что говорят караванщики? – поинтересовался Рейн.

Присев у самого края поляны, он осторожно касался изумрудного ковра и внимательно просматривал каждый сантиметр пространства на предмет влияния извне. В их мире были маги, способные вырастить растение за несколько дней, но никто из них не смог бы сделать этого из пустой, потерявшей жизнь земли.

– Ничего внятного, – точно собравшись с духом, выпалил Ферт. Мужчина находился последние дни в весьма прискорбном положении.

После промаха с помощником несносного старика было удивительно, что его господин до сих пор держит его при себе. Он отлично осознавал, что таких ошибок не прощают. И вот уже не первый день он просто ждал, когда же длань возмездия опустится на его голову. Что за этим последует? Смерть? Жизнь на задворках Империи? Или же его отправят в самые опасные ее места? Что будет? Нищенское существование или пыточные? И это ожидание было хуже любого наказания, наверное. И теперь каждый раз, когда он не знал ответа на вопрос своего господина, ледяные мурашки пробегали вдоль его позвоночника, а сердце замирало от ужаса, что он опять подвел того, кому поклялся служить.

Рейн же прекрасно видел состояние подчиненного, но менять его определенностью не спешил. Пока он не хотел убирать Ферта из своего круга. Глава его личной охраны был ему нужен именно таким, как сейчас. А уже после того, как Соль окажется рядом, он решит, как с ним поступить.

– Хочешь сказать, ты не в состоянии правильно построить допрос и получить нужные ответы? – тихо спросил Рейн, на что мужчина тяжело сглотнул и нервно сжал кулаки. Все это не ускользнуло от взгляда Рейна, но сбавлять прессинг он не спешил. – Так что? – еще один спокойный вопрос, без толики раздражения в голосе.

– Я... просто все те, кто находился в караване, спали в ту ночь. Никто из них не заметил ничего странного. Последнее, что запомнили эти люди, – одна из рабынь начала рожать посреди ночи.

– Рабов из той клетки, где были роды, уже поймали? – у Рейна сработало какое-то звериное чутье.

– Да, конечно, они сейчас возвращены в крепость.

– Значит, и нам следует наведаться туда, – коротко бросил Рейн, поднялся на ноги и, более не оглядываясь на Ферта, распахнул свои огромные черные крылья, что сейчас напоминали едва осязаемую дымку, которая послушно ластилась к своему хозяину, обнимая его массивную фигуру. Этот странный шлейф тут же укутал мужчину, точно плащ, и в тот же миг Рейн исчез, утягивая за собой и Ферта, которому самостоятельное такое перемещение стоило бы существенного упадка сил.

Крепость удалось восстановить после нападения практически полностью. Конечно, если бы не магия, то этого не случилось бы настолько быстро. Но Алания могла себе позволить вкладывать средства в безопасность собственных рубежей, а в свете последних событий – должна была это делать. Стоило Рейну оказаться во внутреннем дворе, у центрального входа в здание, как через несколько секунд массивная дверь отворилась и на пороге появился мужчина – судя по его внешнему виду и отличительным знакам, начальник крепости. Крепкий и коренастый аланит выглядел собранным и сосредоточенным. Белоснежная туника до середины бедра, идеально сидящий черный нагрудник, украшенный ярко-алыми вставками, и длинный алый плащ. Голова мужчины

была не покрыта, что легко объяснялось тем, что надевать венец главенства в присутствии аланита, имеющего более высокое положение, было бы неудачным решением. В старые времена это могли расценить как желание бросить вызов, нынче же – лишь как дурновкусие. То, что мужчина уделил такой детали внимание, стало для Рейна очередным подтверждением, что голова у аланита есть, а стало быть, занимает он свое место не просто так. Он знал Руфуса Иль Горр: тот был его троюродным дядей по линии отца и принадлежал к роду Ариен. Хотя Руфус и не был частью ближнего круга, он носил родовые цвета, тем самым подчеркивая их родство. Как он оказался в пограничном гарнизоне, Рейн знал, но менять что-то в судьбе отбывающего здесь наказание родственника не считал нужным. Еще не время.

– Рад приветствовать вас, Ари, – положив кулак правой руки на сердце, сказал мужчина и опустился на одно колено.

«Ари» – все равно что «отец», «господин», «глава», – древнее обращение к тому, под чьим крылом ты существуешь.

– Рад видеть тебя в добром здравии, – холодно ответил Рейн, проходя мимо все еще коленапреклоненного родственника. – Отведи меня к клетям с рабами, Руфус.

– Конечно, Ари, – с готовностью отозвался мужчина, тут же поднимаясь на ноги и устремляясь вслед за Рейном. Он умудрялся указывать Рейну путь, идя все время немного позади своего господина.

Как и у большинства аланитов, у Рейна было убеждение, что человеческие рабы мало чем отличаются от животных. Это не было злым отношением, лишь субъективным наблюдением. Малообразованные, почти всегда из нищенского сословья, глуповатые и вечно испуганные, они ассоциировались у мужчины с животными. Потому он понимал, что сейчас, стоит ему подойти к нужной клетки, все собьются в одну кучу и будут испуганно таращиться на него либо же мычать невнятно и непонятно. На это у него не было ни времени, ни желания размениваться. Потому, стоило им подойти к нужной клетки, как Рейн вновь потянулся к собственным крыльям. Как же он скучал по этой пьянящей силе!

Флер магии окутал мужчину с ног до головы. Эта сила делала любого аланита в глазах других существ более привлекательным, прекрасным, притягательным.

Рейн подходил к клетям с рабами, а люди в них зачарованно следили за каждым его шагом, за ветром, что причудливо путается в его волосах. Женщинам он казался воплощением порока и желания, мужчинам – божеством и покровителем, каждый видел в нем что-то свое, от чего уже не в силах был отвести взор.

– Кто был в одной клетке с женщиной, что родила в ту ночь? – необыкновенный голос, точно жидкий шелк, заструился в пространстве, оплетая и околдовывая всех. Разве можно не ответить созданию, что спрашивает? Этот голос не может принадлежать кому-то плохому. Разве его обладатель способен обидеть? Так страстно хочется ответить. Сказать все, что он попросит, лишь бы сделать ему приятно.

Реакция людей была синхронной и однозначной. Каждый прильнул к прутьям клетки и восторженно смотрел на пришельца.

– Я, я, господин! – воскликнул один мужчина, затем второй, то же подхватили и женщины, а спустя всего несколько секунд о своем присутствии в той самой клетке галдели все, кого удалось поймать.

– Так дело не пойдет, – тихо буркнул Рейн себе под нос, заметив два синхронных кивка Ферта и Руфуса.

– Вы же не обманываете меня? – стоило Рейну спросить это, как хор голосов тотчас оборвался. Мужчины и женщины негодуя переглядывались, точно смущаясь, что солгали, или возмущенно ища взглядом тех, кто посмел.

– Я не лгу, господин, – с придыханием заговорила одна из женщин весьма пышных форм. – Клянусь, не лгу тебе, – подобострастно улыбнулась рабыня.

– Расскажи, что было в ту ночь. – Рейн говорил спокойно и холодно; женщине же в клетке казалось, что вдруг на нее взглянуло солнце. Оно приласкало и улыбнулось лично ей. Никогда и никто не говорил с ней так, не смотрел так, точно она единственная женщина в этой Вселенной.

– Все было как всегда, мой господин. Мы готовились ко сну, когда у Эрты отошли воды.

- И что же было дальше? Я хочу знать все, что ты помнишь.

- Эрта сильно кричала, и мы хотели ей помочь, но старый ис'шерец...

- Ис'шерец? - машинально переспросил Рейн.

- Да, в нашей клети был старый раб, ис'шерец. Он сказал, что сам со всем разберется, и велел нам не мешать. Конечно, я хотела помочь, но этот ненормальный никого из нас не подпустил... Видано ли дело, чтобы мужик у бабы роды принимал, стыдоба какая...

- И? Что было дальше? - решив вернуть женщину к рассказу о произошедшем, перебил ее Рейн.

- Ну, - вдруг замялась она, - не знаю как, но все у него получилось, точно сам Айд у него в помощниках вязался, а иначе как объяснишь, чем этот демонов старик пуповину перегрыз... хотя, может, и зубами, с него-то станется! А, потом, когда пришла охрана... э... ну, приплод забрать, вы же знаете, как это бывает? Ну, я слыхивала, что ис'шерцы такой народ, что небывалой силой обладают, так вот и этот старикан один из тех самых... Как зыркнет на дверь, да как заголосит, та с петель и слетела да попутно трех охранников уложила... Да, видать, что-то и с нами со всеми сделал, так как я больше-то ничего и не помню, - подытожила рабыня, мило улыбнулась и кокетливо заправила выбившуюся из пучка прядь за ухо.

Рейн осторожно взглянул в сторону Ферта. Мужчины обменялись выразительными взглядами. Они оба понимали, что загадочный ис'шерец появился в истории неспроста.

- Опиши его, - тем временем сказал Рейн.

- Ну, - глубоко вздохнула женщина, - описывать-то особенно и нечего... - смущенно потупилась она, окончательно разволновавшись и покрасневшись.

- Начни просто с того, что ты помнишь. Какая у него была одежда? - вкрадчиво говорил Рейн, вплетая в свои слова частицы силы, что действовали на человеческое сознание, открывая и манипулируя им.

– Одежда, – задумчиво повторила женщина, пожав плечами, – вроде ничего особенного. Грязная куртка с запахом, широкие штаны и плетеные сандалии...

– А лицо? Ты видела его лицо?

– Лицо? – нахмурилась рабыня. – Оно было закрыто, – изобразив руками то, как было скрыто лицо старика, сказала женщина.

Этого было достаточно для Рейна, чтобы картинка в голове сложилась. Оставался всего один, в сущности ничего не меняющий вопрос.

– Когда в вашем караване появился этот раб, ты помнишь?

Женщина озадаченно нахмурилась, будто всеми силами пытаюсь вспомнить, когда же это могло произойти, но совсем скоро как-то печально выдохнула и покачала головой.

– Не знаю, только одно могу точно сказать: он был в нашей клети, когда мы двинулись из крепости к пустыне.

– Ясно, – бросил Рейн, повернулся спиной к плененным людям и направился в сторону главного административного корпуса крепости. – Я хочу знать, – обратился он к Ферту, – все ли амулеты переноса были возвращены после того, как целителей вернули с места прорыва? И в данном случае меня не удовлетворит простой отчет. Я хочу знать, как дела обстоят на самом деле. Думаю, господину Саймону Тору следует дать объяснения лично мне.

И каждый из присутствующих мужчин почувствовал, что данные слова прозвучали как обещание, не сулящее упомянутому главному целителю ничего хорошего.

* * *

Ящера пришлось отпустить у самого подножия моего дома. Водрузив на плечи нехитрый скарб, который мне совершенно не понадобится, стоит попасть в родные стены, но бросить который жалко все одно, я несмело ступила в сторону тропы, ведущей ко входу в пещеру. Молодая мать нервно переминалась у меня

за спиной, точно сдерживая вопрос, который не давал ей покоя последние часы. А именно – какого Айда мы тут забыли?!

Я же просто старалась не обращать на нее внимания. Кое-кто другой ждал его от меня. Должно быть, когда-то, не так давно относительно моей жизни, я сошла с ума. Порой мне действительно так кажется. Иначе как еще объяснить мою любовь к разговорам с камнями? В конце концов, я целитель, и я точно знаю, что тело после смерти остается всего лишь телом. Но каждый раз, возвращаясь домой после долгой дороги, я опускаюсь на колени у ближайшего ко мне камня. Это Оттис, интересующийся всем на свете парень. Сколько бы он ни знал, у него никогда не кончались вопросы. При жизни я чаще бывала его слушателем, теперь же он вынужден терпеть мое занудство.

– Я просто присела поздороваться, – на древнеэйлирском заговорила я. – Видишь ли, у меня тут компания, и не хотелось бы, чтобы она решила, что я совершенно чокнутая. Но обещаю заглянуть к тебе вечером и рассказать о своем пути домой. Я знаю, – тяжело сглотнула я ком в горле, – тебе всегда было интересно, что бы я ни рассказывала тебе, – осторожно коснувшись неровной поверхности камня, я привычно потянулась к нему даром – и, как всегда, не почувствовала ничего в ответ. Поднявшись на ноги, я пошла по узкой тропке, продолжая касаться кончиками пальцев камней. Каждый камень – это имя на моих губах. Забытое, древнее, никем не поминаемое имя. Я последняя, кто помнит. Последняя, кто знает и чтит. – Айрин, – имя лучшей подруги, оно всегда слетает с губ со слезами на глазах. И всякий раз сдержаться мне очень тяжело. Я вновь закрою глаза и представлю их всех такими, какими все еще помню. Точно я вновь стою в круге их силы. – Я нашла его, – все же решив поделиться, прошептала я. – Он все такой же, наш Киран. Все такой же...

Осторожно смахнув непрошеные слезы, я, не оглядываясь, пошла вверх по тропе, что вела ко входу в мою обитель. Каждый раз, когда мне приходилось покидать их, уходя под защиту этих стен или куда-то далеко-далеко, где я могла бы просто представить себя обычным человеком, я чувствовала себя предателем. Словно я бросаю их тут одних. Точно обрекаю их на одиночество. Эта тропа... всякий раз она резала мне душу. И каждый раз, уходя, я обещала им, что вернусь. Что оставляю их ненадолго и что обязательно вернусь. Даже просто пройти мимо было тяжело. Столетия назад я могла часами лежать среди этих камней, не замечая ничего вокруг. Мечтая однажды оказаться среди них. Что ж, думаю, еще пара веков – и все наладится... обязательно...

Путь нам преградила Лил. Белоснежная волчица размером с молодого теленка выглядела настороженной и напряженной. Она лишь взглянула на меня льдинками своих глаз, тщательно принюхалась, безотчетно начиная вилять хвостом под действием моей силы, точно домашняя собака. За моей спиной раздался приглушенный вдох, и это незначительное действие заставило оборотня мигом напрячься и устремиться вперед. Ну, она по крайней мере попыталась это сделать, когда моя рука легла ей на загривок.

– Даже не думай, – тихо сказала я. – Эта женщина пришла сюда со мной, а вот откуда взялась тут ты, мы еще должны разобраться.

Волчица попыталась дернуться вперед, но хватка моя стала лишь крепче. На самом деле я так устала за весь путь, что разбираться с кем бы то ни было у меня уже не было ни сил, ни желания. Но и бегать за рабыней, которая вот-вот готова припустить со всех ног, мне хотелось еще меньше.

– Если она сейчас драпанет, то ты пойдешь ее ловить и уговаривать вернуться, поняла?

Лил нервно дернула ухом, рыкнула и тут же устремилась вглубь пещеры, оставляя нас вдвоем.

– И какого ее сюда притащило? – фыркнула я вслух, гадая, кто еще из моих студиозусов может быть внутри. – Эй, – тем временем крикнула я женщине, что так и не решалась войти. – Либо заходи, либо попробую вернуть ящера и можешь покататься на нем еще, только уже без меня. Так что?

Тихие шаги за моей спиной стали мне ответом.

А всего через несколько секунд послышались частые шаги, эхом отражавшиеся от сводов пещеры, что была некой буферной зоной между улицей и моим истинным домом, и из самой ее дальней части ко мне вылетел встревоженный Кит. Его рыжие кудри торчали во все стороны, голубые глаза лихорадочно блестели, а сам парень казался настолько встревоженным, что я невольно испугалась, все ли с ним в порядке. А потом произошло нечто и вовсе неожиданное. Мальчик уставился на меня своими огромными глазищами, заморгал часто-часто, хрюкнул, точно молоденький поросенок, с силой сжал кулаки, так что я невольно отшатнулась, и опрометью бросился ко мне и сгреб

меня в объятия.

– Пришла, ты все-таки пришла, – сопел и хрюкал он мне на ухо. – Я так боялся, что ты не придешь! Я так боялся, – уже особо никого не стесняясь, рыдал Кит, а я стояла и глупо не знала, что сделать.

Я чувствовала себя так, словно кто-то из другого мира, который отделяла от меня толстая стена изо льда, стучался, пытаюсь прорваться ко мне. Эти его объятия, слова, взгляд – точно кусочек из другой реальности «нормальных человеческих отношений», которая так давно была мне недоступна. Я привыкла прятаться не только от мира, но и от чувств к окружающим меня людям. Я так долго запрещала себе чувствовать любовь к ним, как раньше. Но сейчас, когда этот ребенок плакал и обнимал меня, говоря, как он боялся, что не увидит меня больше... Что-то треснуло внутри меня, выпуская наружу так давно и надежно сокрытые эмоции. Я несмело обняла мальчика в ответ и погладила его по спине. Не одно столетие назад я позволяла себе так прикасаться к человеческому ребенку. Когда-то я гладила так Дорина, теперь же я впускала в свой мир нового человека, осознанно открывая ему свое сердце. Хотя о чем это я, несносный пацан уже давно и прочно там обосновался.

– Конечно же, я пришла, когда это я лажала в таких вопросах? – усмехнулась я, за нарочитой грубостью пряча свое смущение. И все же впервые за последние столетия я действительно вернулась домой. Пусть эта пещера мало напоминает нормальное жилище, тут темно и даже дует, но здесь есть маленький человек, который ждал и помнил обо мне.

– Да, – сиплым голосом согласился Кит и невольно усмехнулся, – такого я точно не припомню, – в этот момент он чуть отстранился от меня, а я смогла увидеть за его спиной двух оборотней уже в человеческом облики. Лил выглядела растрепанной и встревоженной. Волчица постоянно принюхивалась и недовольно фыркала. Если бы я не знала, что она оборотень, то сказала бы, что «девчонка без конца корчила рожи», но я понимала, что она делает.

– Кто это, и почему вы притащили «это» сюда? – кивнула она в сторону новорожденного и его матери.

Второй же мой студент, которого, как подсказывает моя изменчивая в таких вопросах память, звали Джарред, точно так же, как и его подруга, выглядел

серьезным и напряженным.

– Это, – вкрадчиво сказала я, – женщина, – указала я на рабыню. – А это – младенец. А почему они тут – не твое дело, девка. Коли притащил, значит, надо, а тебе знать не надо, – фыркнула я.

Еще не хватало, чтобы меня в собственном доме спрашивали, что и зачем мною было сделано. Хотя напряжение Лил и было понятно. Она чувствовала, что ребенок наполовину аланит, а полукровок в Империи, мягко говоря, недолюбливали.

– Я уже почти забыла, каким любезным вы можете быть, – заметила девушка, капризно поджав губы.

– Коли уж приперлась в мой дом, то рот лишний раз не разевай. Меня ваши волчьи повадки «кто первый, тот и место застолбил» мало интересуют. Тут хозяин только один, и это я.

– Мой дядя просил вас защищать!

– Конечно, – важно кивнула я, – особенно будь осторожна, когда у мелкого ослабнут пеленки и он сможет освободить руки: кто знает, на что он может быть способен? – зловеще прошептала я, махнула рукой на двух непрошенных охранников и пошла вглубь пещеры. – Ты смог открыть проем? – спросила я Кита, так как он шел рядом со мной.

– Нет, – покачал он головой, – даже не пытался.

– Почему? – удивленно изогнув бровь, спросила я.

– Ну, – замялся мальчик, – предполагалось же, что будем только мы вдвоем с Терезой, а тут как эти навалились... короче, я подумал, что, может быть, ты будешь против, – замялся парень, явно засмутившись.

– Кстати, как так получилось, что ты пришел сюда с гостями?

– Кто его знает, – тяжело вздохнул Кит. – Одно хорошо: у них шкуры теплые и ночью греют.

– А тепловой накопитель почему не активировал?

– Ну... я... решил, что это тоже может быть небезопасно, и к тому же я его не нашел, – выпалил Кит, а я только порадовалась, что тут оставались еда и вода после пребывания младшего Ариен, иначе, боюсь, мои гости не дожили бы до памятного дня встречи со мной.

Глубоко вздохнув, я подумала, что, возможно, Кит правильно поступил, что не стал впускать никого из посторонних в бывший дворец в мое отсутствие. С ним самим ничего бы не стряслось. В нем есть частица нашей с Кираном крови, и он смог бы перенести пребывание там. С Терезой тоже, поскольку она не в себе. Но вот с оборотнями... Магия дворца королей Эйлирии изобретательна к своим и весьма изощрена в своей жестокости к чужим.

– Все в порядке, – кивнула я, – так даже лучше. Как Тереза?

– Вроде неплохо, – пожал плечами мальчик. – Оборотни помогли мне заботиться о ней.

Женщина нашлась в дальней галерее пещеры. Ее тело, так сильно напоминающее сейчас скелет, обтянутый кожей, лежало на тех тюфяках, что остались тут после Эрдаана. Не отвлекаясь более ни на кого, я подошла к ней и опустилась рядом на колени. Бывшая магичка сильно ослабла за прошедшие дни, но в целом состояние ее не изменилось. Я лишь коснулась ее своей силой, когда позади услышала сдавленный вздох рабыни. Должно быть, испугалась света, что исходил от моих пальцев? Хотя, конечно, странно, учитывая то, через что мы вместе прошли...

Я лишь слегка подпитала своей энергией женщину. Больше было нельзя, учитывая ее состояние. Тут принцип был схож с тем, как выводить из состояния продолжительной голодовки человека. Много пищи будет сродни преднамеренному убийству.

– И все же, – слово вновь взяла Лил, – я не понимаю, как вы планируете прятаться тут с младенцем и больной женщиной? Мы тут неделю, и припасов

почти не осталось. Днем жарища, ночью холод такой, что даже нас пробирает, – кивнула она на своего молчаливого приятеля, которого я вдруг начала считать очаровательным. Разве может быть кто-то лучше мужчины, который умеет помалкивать?!

– Именно поэтому вам очень повезло, что я вернулся, – фыркнула я, подходя к дальней стене пещеры. – Вот только я вас сразу предупреждаю, – повернулась я лицом к собравшимся, – место, куда я хочу вас пригласить, не то, чем кажется на первый взгляд...

– Что он несет? – нарочито громко поинтересовался бывший очаровательный мужчина. Определенно страшноват, как по мне.

– Конечно, нам может понадобится сторожевой пес снаружи, если ты так настаиваешь.

Кудрявый, возможно Джарред, недовольно засопел.

– Если вдруг надумаешь, то дай знать, – добавила я и вновь обратилась ко всем собравшимся. – Я должна донести до вас одну очень важную истину. Это место, – развела я руки, – все одно как зев чудовища, в нутро которого я хочу, – особенно выделила я два последних слова, прекрасно зная, что Он слушает, как и то, что Ему почему-то нравится, когда я говорю о Нем гадости, которые, в общем-то, не такие уж и гадости, а скорее констатация фактов, – вас пригласить. Запомните кое-что, что поможет вам существовать относительно комфортно внутри. Во-первых, лучше не ходите на личные половинки, которые я вам покажу. Во-вторых, как бы сильно ни хотелось, лучше не тырить то, что приглянулось. Мне не жалко, но кое-кому может не понравиться, а я не так уж хорошо им управляю. В-третьих, постарайтесь не думать о том, как вы меня терпеть не можете и что бы вам хотелось со мной сделать, – это тоже может дурно закончиться. И, пожалуйста, постарайтесь особо не задумываться о том, кто жил там, – кивнула я себе за спину, – раньше. Готовы?

Слушатели мои нервно переглянулись и совсем без энтузиазма кивнули, должно быть, думая о том, что я немного с приветом.

Мысленно махнув на них рукой, прекрасно понимая, что совсем скоро придется все повторить по второму разу уже с другой стороны, я сняла перчатки с рук,

взяла небольшой нож, что валялся тут же на полу, и осторожно надрезала ладонь. Действовать нужно было быстро, пока края раны не сошлись, потому как резать себя несколько раз подряд – занятие малоприятное.

Я знала стену перед собой до последней трещинки, выемки, камешка, потому быстро нашла нужное мне место и провела по нему ладонью. Моя кровь точно впиталась в темно-коричневую поверхность камня, активируя древнее заклятье «хозяина королевской крови». Некогда любой член королевской семьи мог самостоятельно запечатать все выходы из замка при помощи всего нескольких капель крови. Я была последней, кого династия некогда приняла. Из ныне живущих всего три человека могут открыть эту дверь: я, Киран и Кит как носитель моей и Кирана крови. Может быть, есть кто-то еще, но других наших потомков я не знаю. Я не сказала Киту об этом, он просто думал, что если будет держать в одной руке амулет, а другую порежет и помажет кровью стену, то все случится как надо. Не знаю, что меня останавливало от подобного признания... Наверное, казалось, что для мальчика это будет лишним бременем в жизни. Мне было безразлично, кто кем был когда-то, какое положение занимал, но я понимала, что люди склонны сожалеть о минувшем. Нужно ли Киту такое знание? Не знаю. Тем временем поверхность камня истончилась, превращаясь в золотистую завесу, которая отделяла пещеру от того, что было внутри, за моей спиной слаженно охнули, а я, более ни на кого не обращая внимания, шагнула вперед.

Далеко не сразу за мной последовали остальные, включая Терезу, которую прямо на импровизированных носилках внесли Джарред и Кит. Но все же первой вошла Лил. И надо было видеть ее лицо, стоило ей это сделать.

Дворец Эйлирии – место, где однажды соединились ведущие направления магии того времени. Они образовали величайший оплот мысли и фантазии, на которую только были способны люди. Это огромное сооружение включало в себя все то, что было положено иметь жилищу королей: сады, галереи, внутренний парк с прудом и фонтанами, кладовые и бальные залы, кабинеты и библиотеки, шикарные личные покои и бесчисленное количество комнат для людей различных сословий и положения во дворце. Перечислять я могла бесконечно, но действительно важным было место, где его воздвигли. Прямо под этим зданием сходились несколько магических источников, и это в буквальном смысле развязывало руки тем, кто работал когда-то над его строительством. Лучшие маги и их ученики вплетали свои заклятия в каждый сантиметр этого строения. Тут никто и никогда не занимался уборкой помещений, не думал о сохранности

продуктов и сроках годности, мог не заботиться о том, чтобы звать музыкантов или танцовщиц для увеселения гостей. Вся мебель, полы, картины не знали ни старости, ни пыли. Со временем, уже после того, как Эйлирия превратилась в Элио, мы с Кираном стали кое-что замечать. Дом, вернее, то количество магии и заклятий, что было в него влито, стал преобразовываться в нечто разумное. И это разумное имело свой характер. И, честно сказать, хотя Он и не обижал меня, но пугал порой до черных кругов перед глазами. Ему нравилось оживлять картины прошлого. Причем Он мог брать их как из собственной памяти, так и из моей. Когда произошло самое ужасное, именно этот засранец чуть окончательно не перетряхнул мне мозги. Стоило мне подумать о ком-то из них, как Он устраивал мне просто бесконечный показ, точно улавливая мои воспоминания. Помимо прочего, Он мог их и переворачивать, подстраиваясь под реалии. Таким образом, я порой общалась с покойниками, они же разыгрывали передо мной сцены из прошлого, оставляя меня в качестве наблюдателя, смотрела, как я и Киран занимаемся любовью, смотрела, как этим же занимаются король с королевой, камердинер с кухаркой, кухарка с лакеем, младшей брат Кирана с кухаркой... перечислять я могу до бесконечности. Никто лучше меня не знал историю дворца и того, кто чей папа. Если сначала меня это пугало и приводило к мысли, что я сошла с ума, то где-то лет через десять мне стало даже нравится. Мы словно общались таким вот образом. Вот и сейчас по центральной лестнице, ведущей в вестибюль, точно живая шествовала мать Кирана. Не очень высокая, плотная и миловидная шатенка, в простом для королевы домашнем платье темно-лилового цвета, она радостно улыбалась. Я помнила это, как и знала то, зачем она шла.

– Сынок, с возвращением! – громко произнесла она. – Кто эта юная особа рядом с тобой?

В моей памяти юной особой была молоденькая я – тогда Киран впервые привел меня познакомиться с родителями. В реальности первой вошедшей девушкой была Лил, которая считала меня мужчиной и сейчас явно решила, что королева из моих воспоминаний – мать дедушки-целителя. Ну, судя по тому, как отвисла ее челюсть.

Я никак не отреагировала на ее появление, прекрасно зная, что старый проказник был бы в восторге, если бы я начала голосить во все горло. Потому лишь дождалась, когда улыбающаяся королева спустилась с лестницы и направилась ко мне с явным намерением обнять, как когда-то Кирана. Вот только стоило ей протянуть ко мне руки, как виденье тотчас развеялось, оседая

вокруг меня неощутимой пылью прожитых лет.

На несколько секунд воцарилась тишина. За это время в вестибюль вошли и остальные, и, видимо, этого было достаточно, чтобы Лил очнулась.

– Ч-что эт-то было? – почти заикаясь, прошептала она. – К-кто это был и гд-де мы?

Старый паршивец даже рта мне не дал открыть, когда на последней ступеньке лестницы возник пожилой мужчина, которого я совершенно не помнила, но, судя по его форме, он работал тут кем-то вроде церемониймейстера.

– Его Величество древнейшего из родов божественной крови Эйлирии, Ирий Арт Соррен, – церемонно объявил мужик, с силой долбанув внушительной палкой по полу, и был таков.

– Ну, началось, – тяжело вздохнув, сказала я, набирая побольше воздуха в грудь. – Ты что тут устраиваешь, а?! – зло крикнула я, и тут же в самом центре зала, где мы находились, возник большой деревянный кухонный стол, за которым сидела девица в простом коричневом платье. Стоит ли говорить, что это была известная мне кухарка? Тогда девушка была невероятно хороша собой. Сочные алые губки, светлые волосы, аппетитные формы. Так вот, в данный момент девица имела весьма потрепанный вид: волосы распущены, корсаж лишь наполовину зашнурован. Она рукой подпирала голову и тягостно вздыхала.

– Как жаль, – вновь вздохнула юная обольстительница, – что балы заканчиваются и наступают серые будни, не находишь, Аритта? – обратилась она к кому-то за спиной. – Так скучно... – вновь тяжело вздохнула девица, исчезая в воздухе.

– Раз скучно, иди пожрать приготовь! Я неделю верхом! У меня тяжелобольной на руках!оборотни так и вовсе голодали с неделю! Еще и младенец имеется, и его мамашу чем попало, как ты любишь, кормить нельзя!

На это ответом мне стала и вовсе сцена из ночного сада, когда какая-то кумушка, задорно хихикая, пыталась разыграть смущение, убирая руки кавалера со своих весьма податливых груди и попы.

– Ну не надо, – хихикала тетка, тем временем подставляя то, что «не надо», к ощупыванию, – нас же могут увидеть! Ну не здесь, – вновь хихикая, просила она. – Ведь наверняка кто-то смотрит... Я же совсем не такая...

– Я те дам, не такая! – не выдержала уже я. – И не вздумай показывать им что-то подобное! Особенно этим двоим, – ткнула пальцем я на Кита и младенца.

На этот раз появилась уже женщина, которую я очень хорошо знала и даже побаивалась. То была экономка Дорис. Во время нашего знакомства ей уже было за пятьдесят. Женщина строгих правил и устоев. Сухая, точно палка, сморщенная, как изюм, и вредная сверх всякой меры. Но по части ведения дел, знания этикета ей равных не было.

– Как прикажете, ваше величество, – чопорно ответствовала она мне и была такова.

Стоило очередному воплощению прошлого развеяться, как я тут же обернулась к своим спутникам. Ну, что сказать, выглядели мои гости точно группа бродячих хористов, что решили сделать групповой портрет. Будто изображая друг друга, они стояли с раскрытыми ртами и смотрели в никуда.

– Лично я, – решила я первой нарушить молчание, – собираюсь сейчас отдохнуть. И это будет долго. И я не встану, даже если вы с голоду начнете жевать свои сандалии, потому я вам предлагаю закрыть рты и настроиться на краткую экскурсию. И еще, – вскинула я указательный палец, – с тропы, что я для вас сегодня протопчу, не сходить. Закончиться может печально. Это вам не я, – кивнула я куда-то в пространство, – этот может реально вас, – провела я указательным пальцем по шее, – если будете делать то, что Ему не понравится. Идем, – более не дожидаясь от «хористов» внятной реакции, сказала я. – Кудрявый, оставь Терезу уже в покое, она не пойдет, – заметив, что оборотень продолжает дергать мою лежащую пациентку за руку, не выдержала я.

Привычно отворив дверь, я вошла в комнату, которая много веков назад принадлежала Кирану, а потом уже и нам двоим. Каждая вещь в убранстве этого помещения говорила со мной. Истории давно минувших дней, которые я не могла забыть, как бы сильно ни старалась. Шепот перевернутых страниц моей жизни иногда становился невыносимым, а иногда я молилась, лишь бы услышать его так же ярко, как прежде. Привычный запах... он не меняется вот уже несколько тысяч лет. Все так же пахнут наволочки на наших подушках. Почему-то мне кажется, что это аромат солнца и свежескошенной травы, легкого дождя в начале лета, радости, счастья, дома. Наверное, это только мне кажется. Но всякий раз, когда я ложусь на нашу с Кираном кровать, закрываю глаза, я чувствую это. Сердце в моей груди сжимается так, словно готово пропустить последний удар. Но именно эта боль там, где уже ничего не должно быть, позволяет мне глубоко вздохнуть. И я дышу. Дышу, как в последний раз... Распахнутыми глазами я вглядываюсь в полумрак нашей спальни, где уже очень давно царит эйлирская ночь. В открытом настежь окне я вижу звезды и небо, огни уснувшего тысячелетия назад города. Теплый летний ветер касается моего лица. Он доносит ароматы ночных цветов – яркие и в то же время нежные. Это место хранит даже их.

Его образ возникает, точно сотканный из лунного света. Киран смотрит на ночной город, и в его багряных волосах отражаются звезды. В этом свете он кажется слишком бледным, точно призрачное видение.

– Никогда не думал, что скажу это, – произносит он чуть слышно, а я уже знаю, что именно он хочет сказать. Я помню. – Но, кажется, я впервые чувствую себя дома, – усмехается он.

– Это и есть твой дом, – говорю одними губами, потому что помню каждый наш разговор.

– М-м, – поджимает он губы и качает головой, – нет, теперь мой дом там, где ты.

Очередной порыв южного ветра – и его образ развеется по комнате мириадами несуществующих песчинок.

Мои щеки горят, а в груди пусто и больно. Я не помню, как тьма накрывает меня с головой. Я просто проваливаюсь в эту дыру, где нет ничего и никого. Лишь тьма, которая, как обычно, спасет меня в эту ночь.

– Долго же ты шла, – сказано точно усмешка или упрек. Голос хриплый, низкий и в то же время звонкий – как такое может быть? Он точно резонирует с каждой клеточкой моего тела... Тела? Почему на мне нет одежды? Не то чтобы меня это сильно волновало, но хотелось бы знать. Я стою в центре пятна света, а вокруг лишь тьма. Ничего не могу рассмотреть вокруг. Лишь понимаю, что пол – из теплого камня, и мне совсем не холодно стоять на нем. – Ну же, – очередная усмешка, похожая на упрек, но в то же время не могу сказать, что говорящий несет в себе жестокость или злость, – ты не разговариваешь со мной всего-то несколько жалких столетий, а уже забыла мой голос.

Я все еще не вижу говорящего, но понимаю, кто это. И правда, как я могла так легко забыть Отца?

– Не будь я старше, готов бы был обидеться на такие мысли.

Он делает шаг по направлению ко мне, и часть его лица выхватывается светом. Лик божества... моего Бога можно было бы назвать юношей, если бы не глаза, принадлежащие старику. И стоит подумать о них, как он кажется древним старцем, лицо которого испещрено морщинами, но стоит в них заглянуть, как ты понимаешь, что это всего лишь свет падает на лицо взрослого мужчины. Кажется, под плащом, что скрывает его фигуру, искусный воин, он силен и мускулист. Но стоит подметить эту черту, как ты понимаешь, что мужчина вовсе не такой: разве не видно, сколь велик ему этот плащ? Я стараюсь больше не пытаться рассмотреть стоящего передо мной. Разглядывать божество опасно для целостности ума.

– Это ты однажды замолчал, – говорить почему-то очень тяжело, точно мой голос мне не принадлежит.

Он улыбается мне, и против воли я чувствую радость, что рождается от одного его взгляда. Сколько бы я ни говорила, что я – это я, это ведь неправда. Я все же остаюсь частью Его.

– Просто кто-то перестал слушать, – тяжело вздохнул он, и тут же его открытая ладонь оказалась на моей щеке. Это прикосновение подарило мне тепло, радость, надежду. Захотелось прильнуть к этой ладони точно кошка. – А ведь больно было и мне, – печально вздыхает он, на моих глазах превращаясь в

сгорбленного старика. – Больше не делай так, – его дребезжащий старческий голос точно волной проходит по моему телу, напоминая о том, что произошло.

– Почему же ты допустил это?! – хочется закричать, но выходит лишь жалкое сипение.

Он улыбается мне. То ли печально, то ли тепло, то ли снисходительно.

– Мне жаль, что у тебя никак не получается увидеть больше того, к чему можешь прикоснуться... Но ты сможешь, и тогда твое сердце успокоится.

– Киран...

Стоит с моих губ слететь этому имени, как старец превращается в высокого мужчину. Он невероятно худой, его кожа напоминает прозрачную луковую чешуйку. Я могу видеть каждую венку сквозь нее, под глазами синяки, щеки впалые. Его пальцы все так же касаются моей щеки, вот только сейчас они невероятно длинные и узловатые. От них больше не исходит тепло. Лишь холод.

– Он мой сын, – твердо говорит мужчина. – Это ничто не изменит, но я подарил вам право выбирать, хотя вы почему-то считаете, что это не так.

– Но...

– Любила бы – не ушла, – сказано это так холодно и резко, точно пощечина, которая заставила меня тут же разомкнуть веки.

Эта фраза, брошенная в лицо, оказалась отрезвляющей. Я не могла обуздать бурю обрушившихся на меня чувств, эмоций, мыслей, но в то же самое время я испытывала сильнейшую растерянность. Как я могла позволить себе усомниться? Сомневалась ли я? Или же все произошедшее так сильно впечатлило и шокировало меня, что отбило мне напрочь старческий мозг?!

– Ты просто старая маразматичка, смирись уже.

Растерянно проведя открытой ладонью по лицу, смахивая остатки сна и приводя себя в чувство, я легла на спину, широко раскинув руки и ноги, вперив взгляд в высокий потолок.

– А ты старый пердун, – хмыкнула я в никуда, надеясь, что мои слова дойдут до адресата.

Триста лет тому назад я просто перестала говорить с Ним. Я не ругала Его, не бросалась проклятьями, просто вдруг поняла, что, будь он и правда нашим Отцом, он нашел бы способ нам помочь. Он не захотел или не счел нужным. Не знаю. Но тогда я перестала обращаться к Нему в своих снах, молитвах, мыслях. Я больше не искала утешения у его ног. Мне стало наплевать.

– Поверь, я сдерживалась триста лет, и это самое приличное из того, что могла бы тебе сказать. Решил меня повоспитывать? Поздновато спохватился, – фыркнула я, поднимаясь с постели.

Я не знаю, сколько проспала, но чувствовала я себя сейчас на порядок лучше. Что ни говори, но любую гадость можно пережить во сне. Вот и сейчас все произошедшее воспринималось мной несколько в ином свете. Во-первых, стоило вспомнить ситуацию, в которой я и Киран встретились. Чего я ожидала? Что при этих... ЭТИХ... он подойдет ко мне и скажет нечто настоящее? В какой ситуации оказался он эти триста лет назад? Что я о том знаю? Моя жизнь напоминала айдскую смесь, граничившую с безумием, отчаяньем, абсолютным безразличием ко всему и всем! Я перестала быть собой! Я – Соль, которая всегда истово верила, что рождена, чтобы созидать жизнь, – превратилась в блеклую тень себя настоящей. Жила в страхе, боясь собственной тени, скрываясь от своей сущности, помогала лишь тем, кто случайно встретился на моем пути. Опасаясь, что изменения во мне захватят всю меня. Боясь стать той, кем была изначально. Как бы там ни было, мы те, кем были рождены. Искать иной доли глупо. Даже если однажды мне будет суждено найти ее, это будет все равно что понарошку. Грядет война, и мой страх перед грядущим заставляет меня съеживаться в жалкий комочек из опасений, сомнений и ужаса перед будущим. Это не я. Я никогда не была такой. Через любой страх можно переступить. Любое горе не отнимет у тебя возможности бороться. Любая скорбь, оставаясь в сердце, не лишит тебя собственного я. Все зависит от тебя самой, найдешь ли ты в себе стержень, который позволит тебе устоять на ногах, или превратишься в жалкую тень. Вариантов немного, всего-то два: выстоять или сломаться. Ради Кирана, ради Дорина, ради тех, кто был сломлен, ради самой себя я должна подниматься

с колен и идти вперед, иначе это буду уже не я. Даже если в конце моего пути к нему он вновь скажет мне, что может жить и без меня, он сделает это, стоя под чистым небом, когда ветер будет играть с его волосами, а на ладонь ляжет весь мир. Он и я – мы дети бога, который способен даже в тупике найти путь. Мы дети, рожденные следовать пути нашего предназначения, но никак не той дороге, что укажут нам. Хозяев среди живых для нас еще не рождено.

И лишь на этой мысли я увидела свое отражение в зеркале. На голове воронье гнездо, на теле ночная рубашка до пят, в руках посох, непостижимым образом оказавшийся в них, взгляд горит ярко-голубым светом.

– Хороша, – подытожила я, – так и иди, – усмехнулась я самой себе. Вот только от намерений своих не отказалась.

Отворить створки шкафа, достать свежий мужской костюм песочной расцветки, привычно заплести волосы в тугую косу, облачиться и лишь мимолетно бросить взгляд на наряды, некогда сшитые для изысканной девы Эйлирии. Из летящих воздушных тканей, расшитые золотыми и серебряными нитями. Тогда мы носили просто скроенные платья. Климат был таким, что особенно не помудришь со слоями ткани на себе, однако каждое мое платье было особенным. Конечно, ведь шили их для принцессы и для жрицы Двуликого Бога. В Алании сейчас такое не носят, но мне все равно. Я храню свои сокровища, точно водяной дракон из детской сказки. Просто потому, что мне надо и выкинуть жалко. Просто вот так вот погляжу немножко и вновь закрою шкаф. Сегодня я не стану мудрить и особенно тщательно завешивать лицо, просто потому что больше не стану его скрывать. Но боюсь, что оборотни меня просто сожрут, если появлюсь перед ними в непривычном виде. Стоило мне прикрыть волосы и уже задуматься над тем, как бы поудачней разместить занавеску на носу, как в моей комнате открылась воображаемая дверь из прошлого и в комнату ворвалась запыхавшаяся служанка.

– Пэри, пэри, – вопила она, обращаясь, судя по всему, к кому-то значительно старше себя, так как «пэри» по-эйлирски означало что-то типа «многоуважаемый дед», – там это, это, – тыкала рыжая девушка пальцем в сторону двери.

Полагаю, кто-то вместо меня в прошлом попросил говорить понятней, потому девушка глубоко вздохнула и заговорила уже медленнее:

– Вся партия поросят, кажись, вот-вот издохнет!

Должно быть, пэри резонно заметил: откуда такие сведения?

– Припадки у них, пэри! Должно быть, Моли хворых нам решил подсунуть!

Дальше я уже не слушала, а со всех ног неслась на нижние этажи дворца. Туда, где, зная характер этого существа, селить чужаков было относительно безопасно. Для кого-то все сказанное показалось бы бредом, но я живу тут достаточно давно, чтобы научиться понимать этот язык образов из прошлого.

Давненько я так не бегала, перепрыгивая сразу через несколько ступеней и чувствуя себя лесной ланью. Но раз «поросята вот-вот издохнут», то следовало и впрямь поторопиться. Вариантов было два: что-то либо с Терезой, либо со всеми вместе. Следует понимать, что это место не было заурядным домом с пятью комнатами, и добраться из одного конца дворца в другой было выматывающим путешествием. Я бежала изо всех сил, но дыхание мое вскоре сбилось, и начало предательски колоть в боку. Кто бы что ни говорил о том, как здорово жить вечно, но, наверное, было бы еще лучше, не будь я по сути заурядным человеком. Имей я такие качества, как выносливость, крепкие кости, а не те, что легко сломать и которые все одно сростутся уже через пару часов. Или силу в мышцах, как у десяти мужчин. Был один учитель в Медицинской академии Эйлирии, что любил рассуждать о том, что именно то, что мы такие же люди, как и все, позволяет нам быть настоящими целителями. Мол, мы знаем, что такое боль. На мой взгляд, может, оно, конечно, и так, но только от этого не легче...

Запыхавшаяся, злая, точно демон из истоков Айда, уже подбегая к нужному мне залу, чтобы перейти в крыло для прислуги, я услышала лязг металла, крики, звуки борьбы, рычание оборотней и ругань Кита, что, казалось, пытался перекричать всех разом, раскладывая родню оборотней на все лады.

И, кажется, я уже знала, с чем мне предстоит столкнуться. Тут стоит отметить два весьма важных момента. Во-первых, где-то за сто лет до моего рождения группа повстанцев пыталась захватить дворец, а вместе с ним королевскую чету и власть. Это не было следствием долгой осады дворца – скорее, хорошо спланированной диверсией. Естественно, нападавшие были не простыми крестьянами, а хорошо подготовленными магами. Уж не знаю, что там и как было в действительности, но восстание подавили, магов казнили, магическую

защиту дворца еще раз усовершенствовали, и все зажили мирно и счастливо. А теперь представьте себе, что вы всю жизнь провели в месте, где кругом красота и услужливость, изысканные танцы, любовные страсти, хитроумные многоходовые интриги, но все чинно, мирно и спокойно. И тут вы такое увидели, что страсть как вас впечатлило. Ну, вот примерно то же самое произошло и с дворцом. Этот гад просто обожает этот момент! Точно мальчишка, дорвавшийся до приключенческого романа, он готов перечитывать его, воскрешая в реальности вновь и вновь. Во-вторых, судя по всему, оборотни впечатлились тоже, а стало быть, вступили в игру, которую я про себя называла «Будь другом, поддержи мой бред»! А как только ты начинаешь принимать участие в оживленном фрагменте прошлого, Малыш берет тебя в игру и развивает события согласно и твоим представлениям тоже. Одним словом, происходящий вокруг бред вы рождаете уже вдвоем, благодаря усилиям вашего воображения.

С трудом переведя дыхание, я уже неспешно побрела к нужной мне зале. Стоило мне оказаться у входа, как масштабы происходящего стали вырисовываться. Ну, первым бросился в глаза Кит. Как он оказался под самым потолком, оседлав огромную люстру, и мерно покачивался на ней, извергая самые грязные ругательства на тех, кто, уже полностью перекинувшись, вел оборону замка, я понятия не имела. Но парень выглядел целым и невредимым, что уже радовало. Как его потом снимать оттуда, я тоже не имела представления. Внизу же творилось нечто невообразимое. Вся мебель была расколочена, на стенах следы от когтей и крови, которая, судя по всему, должна была появиться у нападавших от причиненных им увечий. По всей видимости, то, что трупы просто таяли в воздухе, оборотней уже не смущало. В центре зала шло самое настоящее сражение, где, кто бы сомневался, оборотни ловко уклонялись от бросаемых в них заклятий и заговоренных мечей и так же споро рвали глотки врагам, которые, исчезая после столь незамысловатой смерти, тут же воскресали. Итак, один «поросенок» залез под потолок, двое изображали из себя грозных волков, где еще две с половиной «свиньи» – я не знала.

– Что, вы идиоты?! Хватит уже! – тем временем орал Кит. – Вы полные... – далее шло что-то совсем уж непристойное, – я не могу больше терпеть! Я вас предупреждаю! Прямо отсюда на вас наделаю! Вы слышите меня?! Они же ненастоящие!!!

Надо было это прекращать – только еще нагадить с люстры не хватало, чтобы диверсия оказалась успешной хотя бы спустя тысячи лет.

Бедный Кит был под защитой крови. Как наш с Кираном потомок, он был устойчив к магии дворца и ясно понимал, что все происходящее – лишь иллюзия. Для нас с ним это и впрямь казалось бредом. Мы видели разницу между реальностью и вымыслом. Но вот для любого другого... Магия Эйлирии умела влиять на разум, настраиваться на любого человека и не-человека, сводя его с ума своими образами и видениями так, что совсем скоро кто угодно просто терялся в этом.

– Угомонись уже, – тихо сказала я, прекрасно понимая, что меня услышат, – иначе я их выгоню, соберу вещи и больше сюда не вернусь ближайшие лет пятьдесят точно, понял? Ты меня знаешь и, надеюсь, еще помнишь, как я умею исчезать из твоей реальности...

В этот момент Лил как раз прыгнула, чтобы вцепиться в горло нападавшему, – и каково же было ее удивление, когда мужчина просто растаял в воздухе, а она на всей скорости влетела в стену и как-то нелепо завалилась на бок. В тот же миг комната преобразилась. Исчезли следы драки, изломанная мебель вновь стала целой и невредимой, в воздухе запахло выпечкой, как это бывало в те времена, когда работали повара на королевской кухне. Даже на полу не осталось ни единой щепки от разгромленной мебели. Возникшую тишину разрушало лишь мерное поскрипывание люстры, на которой все еще болтался Кит, да растерянное злое рычание бурого волка и цокот его когтей о мраморный пол.

– Ити вашу мать, – выходя в зал, обозначила я свое отношение к происходящему, – как так-то, идиоты? Вы зачем дите под потолок засунули?

Джарред вскинул на меня растерянный взгляд своих волчьих глаз и протяжно заскулил, виляя хвостом, точно маленький щенок.

– Да, иди уж, – махнула я рукой, – я все равно не понимаю. Приведи себя в порядок, а потом поговорим.

Вместо этого молодой волк подбежал к своей подруге и стал толкать ее своей лобастой головой, помогая прийти в себя. Уже вдвоем, на трясущихся лапах, шатаясь и нервно оглядываясь по сторонам, они поплелись в сторону жилого крыла.

– М-да... – провожая их взглядом, буркнула я.

– Вот тебе и да, – раздалось у меня над головой. – Сними меня, Соль, ведь угроза остается в силе... – чуть ли не со слезами в голосе бормотал внучек, продолжая раскачиваться на люстре.

– Как ты туда залез, лучше скажи? Чтобы тебя снять, мне следует понять механизм...

– Я не знаю! – вскрикнул парень. – Как-то так, – развел он руками, – получилось...

– А, – махнула я рукой, – совсем не интересно, придется снимать по старинке...

Я прошла на противоположный конец зала, отодвинула одну из гардин, за которой скрывался механизм, позволявший некогда опускать люстру, чтобы слуги могли ее помыть, и повернула рычаг. Люстра со скрипом начала опускаться.

– Я-то думала, мы с воображением подойдем к твоему спуску, но ты умеешь ставить ультиматумы, – усмехнулась я.

– Что бы это ни было, я рад, что умею их ставить, – нервно ерзая, бурчал парень, – твое воображение меня пугает... А побыстрее нельзя?

– Уверен? – прищурившись, поинтересовалась я.

– Я потерплю, – тут же пошел на попятную Кит.

* * *

Киран смотрел в окно, наблюдая за огнями ночного города. Со стороны казалось, что мужчина совершенно спокоен, точно его пленила сумеречная красота Аланис. Но самому Кирану казалось, что все внутри него горит огнем, в то время как тело оцепенело. Казалось, что он не в силах пошевелиться, вздохнуть, сделать шаг, отвести взгляд. Это все было невозможно сейчас. Единственная мысль крутилась в его голове: «Она жива! Она ушла! Я отпустил! Я отрекся!»

И, даже понимая, что иначе не мог, он все одно продолжал думать, сгорая в огне собственных упреков. Спустя триста лет он наивно полагал, что его сердце сгорело в ту самую ночь, когда он узнал, что она мертва. Его дар перевернулся, следуя за этой мыслью. Но сейчас он просто не мог дышать – так больно ему было. Именно то, что горело у него в груди, молило последовать за ней. Оно выло, кричало и вновь стучало с бешеной силой. Но он стоял недвижимо, продолжая рассматривать огни ночного города. Его разум говорил ему иное. Если он хочет защитить ее, то просто обязан пойти до конца, даже если это и впрямь станет концом для них двоих.

Дверь за его спиной бесшумно отворилась, но он все равно почувствовал, что теперь в комнате не один. Некоторое время он продолжал стоять в полной тишине, думая о своем, хотя прекрасно знал, кто вошел.

– Как все же перевоспитать тебя? – раздался ненавистный голос, который когда-то раньше он так любил слушать, ощущая в это время себя хотя бы частично живым.

Киран не удостоил вошедшего даже взглядом. Теперь тот надоел ему.

– Даже так, – усмехнулся Элтрайс. – Теперь ты даже не смотришь на меня, хотя бы изображая покорность.

– Ты более не интересен мне, – холодно ответил Киран.

– Как жаль, что ты все еще интересен мне, – не скрывая раздражения в голосе, ответил маг. – Похоже, мне стоит тебе напомнить, кто здесь хозяин?

– Хозяин... хозяин... – тяжело и безразлично вздохнул Киран, поворачиваясь лицом к Элтрайсу. Раньше его глаза светились голубым, как у любого целителя; теперь же это была глянцево-черная бездна, столь холодная и глубокая, что ее невозможно постичь, не потеряв себя на ее дне.

Трайс испуганно отшатнулся, но тут же взял себя в руки, не позволив себе запаниковать и закричать.

– Когда-то ты попытался стать бессмертным, – тем временем заговорил Киран, – но в результате стал никем, – усмехнулся мужчина, – паразитом. Решил поиграть с Богом и остался у разбитого корыта? Ни тебе бессмертия, ни собственной магии, как прозаично...

– Что ты несешь?! Я маг Императора! – вдруг зло воскликнул мужчина.

– Ты всего лишь пиявка, сосущая чужие жизни и силу, – не скрывая презрения, бросил Киран.

– И что? – спросил Трайс, когда вокруг него стала сгущаться энергия, чтобы обрушиться на Кирана по воле своего господина. – Я стольким пожертвовал, столько лет изысканий, столько сил и моих стараний, чтобы завершить то, что не смогли сделать вы!

– Пожертвовал?! – искренне изумился мужчина.

– Именно, – кивнул маг, – жертвы, которые и не снились таким, как вы! Какой толк был от вашего существования? Все равно что стадо овец, не способное ни на что иное, как блеять о спасении чужих жизней, любви и всепрощении! Этим миром правят волки, и такой дар, как у вас, не мог быть дан таким бездарям, как вы! Первородные целители? Нет, всего лишь стадо безмозглых овец! Я сделал все для того, чтобы в итоге вы отринули свой дар! В конце даже начал бояться, не получаете ли вы удовольствие от того, в каких условиях приходится выживать... Но что-то пошло не так, раз ты все еще передо мной и остаешься бессмертным. Но ведь ты понимаешь, что рано или поздно мы это исправим? – уже ласково закончил мужчина, начиная натягивать поводки заклятий, которыми буквально оплел ауру Кирана.

Мужчина, разумеется, почувствовал, что такое делает называющий себя магом, потому немного театрально поднес ладонь к плечу и, продолжая смотреть в глаза Элтрайсу, легко смахнул несуществующую пылинку, вместе с тем обрывая все подчиняющие поводки заклятий, просто растворяя их в воздухе.

– Я хотел убить тебя в день, когда узнал обо всем, – заговорил Киран, – но первым подвернулся Император, – лениво вздохнул он, – это оказалось скучно... убивать очень скучно, – поделился он. – Это не принесло мне ничего, – указал он пальцем на свое сердце. – Видишь ли, вся суть бессмертия в том, что смерть не

приходит... эта жизнь... она длится, и длится, и длится... Раньше, до вас, моя жизнь была прекрасна. Я любил ее, любил свое предназначение, любил тех, с кем делил эту вечность. Но ты, твоя тупость, – зло сказал он, – отняли у меня все! Я смотрю на тебя и понимаю, что твоя смерть не утолит моей жажды! И я храню тебя как изысканный десерт. Так что, – взглянув в шокированные глаза мага, сказал Киран, – сиди тихо, Элтрайс Эль Дриэлл, и я приду за тобой в конце. И знай: все, что будет после, – это твоя вина! Ты породил это, – усмехнулся мужчина, – так найди в себе мужество досмотреть пьесу до конца.

Киран всего лишь поднял руку – и Трайс осознал, что не может дышать. Он смотрел в глянцево-черную гладь этих глаз и понимал, что на самом их дне лишь холод и пустота. Паника сковывала его бесстрастное сердце, когда он осознал, что ему нечего противопоставить этому прикосновению. Он тонул во тьме, задыхался и метался, не понимая, что с ним происходит, пытаюсь найти объяснения в реакциях мужчины, что совершенно бесстрастно смотрел на него. Его непроницаемый взгляд, холодность черт его аристократического лица – ничего не говорило о том, что происходящее принесит ему удовлетворение что он всерьез вознамерился убить его. Никогда прежде Трайс не знал, что бывает настолько страшно, когда не можешь сделать и вдоха. Но в тот момент, когда мужчина почти потерял сознание, Кир неожиданно отпустил его.

– Я же сказал, в конце, – точно сплюнул, произнес он, исчезая прямо в воздухе.

Стоило Кирану исчезнуть, как Элтрайс упал на колени, страшно кашляя и хватая ртом воздух, не в силах надышаться. Что такое сейчас с ним произошло? Он был уверен, что Киран потерял силу триста лет тому назад. Ничто в поведении мужчины не вызывало в этом сомнений! Разве мог нормальный живой человек, обладающий подобной силой, терпеть все то, что делал с ним Трайс?! Разве такое возможно?!

Киран материализовался в темном коридоре, более всего напоминающем туннель, выбитый в скале. Неровные каменные стены буро-коричневого цвета, блеклый свет от чадающего факела. Дрожащими руками он оперся о стену, пытаюсь отдышаться и побороть кашель, что душил его. Что сотворила с ними эта тварь, он уже знал. Но что он сделал конкретно с ним? Почему его обернувшийся дар оказался связан именно с этим аланитом?!

Киран не был ни дураком, ни романтиком. Это правда, что смерть Трайса ничего бы не принесла ему. Это бы не сделало его счастливым, не успокоило его. Но

именно сейчас он готов был убить его и сделал бы это, а не строил из себя кровожадного одержимого мстителя. Сейчас, когда его Соль оказалась жива, это было особенно важно – уничтожить того, кто мог причинить ей вред. Но... Но он умирал вместе с ним. Стоило коснуться Даром того, кто однажды пытался собрать их силу, как он чувствовал, что эта самая сила точно петлей затягивается на его шее. Он узнал об этом случайно и довольно давно. Именно тогда он понял, что Трайс будет жить до самого конца, пока все задуманное им не свершится. Он с удовольствием закончил бы свой путь так. Это было бы его успокоением в конце пути. Он не знал, как его дар отреагирует, если кто-то другой прикончит мерзавца, потому и впрямь берег его. Какая ирония. Чем же он сам лучше паразита, в которого превратился Трайс после сорванного эксперимента? Чем, если вынужден беречь это отродье и смотреть на творимые им бесчинства, лишь бы выжить самому и прийти к своей цели? Он скатывался на то же самое дно, где были те, кого он ненавидел. За эти годы он слишком погряз в этом во всем, чтобы теперь иметь право на сомнения и надежду быть рядом с ней. Но было и еще кое-что, чего он не знал... Связал ли Трайс и Соль своим заклятием? Как все это отразится на ней? Но он узнает, обязательно узнает и поступит правильно.

Глубоко вздохнув, Киран выпрямился, и зашагал по уходящему вверх туннелю. Его новый дом ждал его.

Глава 4

– Такое ощущение, что ты просто гладишь ее по голове, – поделился Кит, наблюдая за тем, как я перебираю пальцами тонкие волосы Терезы.

– Хм, – усмехнулась я, посмотрев на парня, – Я не очень люблю трогать людей без особой нужды, – фыркнула я. – Но сейчас она слишком слаба, чтобы получать мою энергию в полной мере. Я могла бы привести ее тело в норму всего за пару дней, если бы она не была так истощена. Потому лечу, проводя силу через волосы... Забавно выглядит, да?

– Ты похожа на шарманку, – с умным видом изрек пацан.

– Шарлатанку, дубина, – с таким же видом покивала я в ответ.

- И долго ты так будешь?

- До вечера, ночь - перерыв, завтра - полноценный контакт, послезавтра я шарахну ее как следует - и свободна, - махнула я рукой в сторону женщины, - лети, Тереза, на все четыре стороны за новыми болячками.

- И куда же ей идти? Кругом пески...

- Ты не волнуйся, - поспешила заверить я парня, - уроки прошлого учтены. Доведу до границы, дам денег и бодрящего оздоровительного пинка про запас.

- Тебе неинтересно, кто она? - всматриваясь в черты лица девушки, что сейчас лежала на постели, спросил Кит.

- Нет. Меня не интересует удивительный внутренний мир людей, ибо ничего удивительного там по большей части нет.

Кит легко улыбнулся и посмотрел на меня. Потом нервно затрясся и начал неприлично хихикать.

- Что? - возмущенно спросила я.

- Иногда ты говоришь такую непонятную хрень, - посмеивался он.

- А тебя не огорчает, что по большей части именно ты не въезжаешь в то, что я говорю? - поинтересовалась я.

Тем временем дверь в комнату, где находилась Тереза, приотворилась, и внутрь вошла молодая мать с младенцем на руках. Женщина выглядела странно: то ли настороженной и напряженной, то ли уставшей, что в принципе могло объясняться наличием грудного ребенка.

- Ты что-то хотела? - спросила я.

- Просто, - заговорила она, метнув немного нервный взгляд в сторону Терезы, - решила поинтересоваться, как она, - попыталась безмятежно улыбнуться

бывшая рабыня.

Ее реакции остались незамеченными Китом, и мальчик принялся рассказывать то, что совсем скоро она поправится, в то время как я следила за тем, как реагирует на это женщина. Хотя я и не считала себя слишком умной в житейских делах, но кое-что уяснила для себя. Люди не интересуются друг другом, но всем кажется, что каждый встречный о них думает. Женщина время от времени поглядывала в сторону Терезы, и в такие моменты что-то менялось в ее взгляде. Так смотрят люди, которые видят угрозу в ком-то для себя.

– Шла б лучше мальцу задницу помыла, – прокряхтела я, тяжело поднимаясь с колен и вставая между кроватью с больной и рабыней. – Если попахивает так, представь, каково ему в этом лежать, – буркнула я.

– А? – непонимающе посмотрела она на меня.

– Она очень плоха сейчас, – кивнула я в сторону больной, – этой ночью все и решится: либо примет мою силу, либо нет. Так что иди и не отвлекай меня, сегодня еще поспать хочу, – буркнула я.

Конечно же, это было неправдой, но было слишком много «но», которые заставляли меня чувствовать себя настороженно. Что-то было не так, и что именно так беспокоило меня – я пока сказать не могла. Мне не нравилось, как эта женщина смотрит на Терезу. Не нравилось, что она интересуется ею. Не кем-то еще, а именно лежачей больной. Зачем ей это? Я достаточно видела в своей жизни, чтобы полагать, что это неспроста.

Стоило беглой рабыне выйти за дверь, как я тут же столкнулась с непонимающим взглядом Кита.

– Зачем ты ей сказала, что Тереза вот-вот умрет?

– Потому, – прикусила я губу, думая о том, стоит ли делиться с ребенком своими подозрениями. Для кого-то Кит был уже юношей, молодым мужчиной, но для меня... они все еще дети. – Я расскажу тебе завтра, а сейчас ступай спать.

Кит не пошевелился, продолжая молча смотреть мне в глаза.

– Я все равно не скажу, – покачала я головой.

– Я чувствую, – наконец заговорил он, – что ты многое недоговариваешь. И, что бы ты там ни думала, я не такой маленький и совсем не идиот.

– Ну, не совсем, но допустим, – пробормотала я, вновь садясь у изголовья кровати, где лежала Тереза.

– И я не глухой, – уже стоя у самой двери, высказался Кит и был таков.

– Знаю, – тяжело вздохнула я, продолжая поглаживать женщину по волосам. Даже их, казалось, покинула жизнь. Редкие, блеклые, ломкие. Кем бы ни являлась эта девушка когда-то, мне было безумно жаль ее сейчас. Люди говорят, что жалость – отвратительное чувство. Что они никогда бы не хотели испытать нечто подобное по отношению к себе. А я жалела ее и любого из своих пациентов всем своим сердцем, и каждый раз оно плакало вместе с ними.

* * *

Эрта сидела на кровати в выделенной ей комнате. Сейчас девушка боялась лишний раз пошевелиться, чтобы не потревожить своего спящего малыша и кого бы то ни было в этом странном месте. Она не понимала, какое сейчас время суток. В ее комнате царил закат. Невероятные оттенки багряного, нежно-розового, лилового и золотого окрасили небосклон за ее окном. Без умолку стрекотали цикады. Было душно. Хотя в столовой, где все они ели несколько часов назад, бушевала ночная буря. То и дело слышались раскаты грома, по стеклам окон стучал дождь такой силы, что было ощущение: еще немного, и стекло под этими хлесткими ударами треснет.

Она совершенно не понимала, во что ее угораздило вляпаться. Что это за странный дед, и куда он ее притащил? Но одно она знала точно: Лурес неспроста проложила для нее этот путь. Это шанс. Шанс отомстить той, что стала причиной ее падения. Да, именно эта Тереза, как все звали ее в этом месте, разрушила ее жизнь и возможность на счастье. Возьмется с ней, даже понятия не имея, какую гадюку пригрели.

Девушка решительно встала с кровати, рассудив, что прошло достаточно времени, чтобы старик уснул, и, осторожно ступая, двинулась к выходу из комнаты. Идти куда-то далеко не было необходимости – ее поселили напротив комнаты, где разместили лежащую больную. Что она собиралась делать с ней? Убить? Почему, собственно, нет? Уж кто-кто, но эта заслужила! Если есть хоть малейший шанс, что дед вылечит и ее... Нет уж, она ждать не станет. Быть может, побоялась бы, если бы Тереза очнулась, а так и мороки меньше, и шанса на то, что она будет сопротивляться, нет. Это раньше женщина могла смотреть на нее как на ничтожество. Теперь же беспомощной была она сама. Слишком долго Эрта жила среди людей, которые, точно стая голодных акул, безошибочно определяли слабость в другом человеке. Стоило им почувствовать это, как жертву загоняли и разрывали. Она с семи лет была в рабстве и жила среди рабов. Вот только рабами они были перед господами, а друг другу – врагами, которые готовы бороться за место под солнцем любыми способами.

Она на цыпочках пересекла коридор, как можно тише отворила дверь напротив и проскользнула внутрь. В комнате Терезы царил полумрак, разбавляемый светом полной луны, оттого женщина, что сейчас лежала на постели, казалась мертвенно-бледной, хрупкой, точно сотканной из лунного света и сияния звезд. На нее было страшно смотреть. Сперва Эрта боялась, что может потревожить деда, но в комнате царил такой раскатистый храп, что она тут же отбросила такую вероятность. Как и ожидалось, старик спал, развалившись в кресле рядом с кроватью.

«Тоже мне, целитель», – подумала она, взглянув на то, как беззаботно спит этот старик рядом с умирающей женщиной.

И все же девушка старалась не шуметь. Тихо подкралась к изголовью кровати, бросила быстрый взгляд на ненавистное лицо. В мире, где жила и выживала Эрта, никто и никогда не предупреждал о намеренье убить или навредить. Чем меньше шума, тем больше вероятность, что все получится и не привлечет внимания господ. Решил – так делай.

Эрта осторожно достала небольшую подушку в изголовье кровати и, опустив ее на лицо женщины, надавила на нее руками. Но девушка никак не ожидала, что в тот же момент ей самой прилетит аккурат промеж глаз. Как старик умудрился ударить ее, продолжая так умиротворенно храпеть, девушка так и не поняла. Эрта потеряла сознание.

* * *

– Дилетанты, – фыркнула я, соскакивая с кресла и легко опираясь о свое любимое оружие. – Включай день давай, не вижу ничего, – обратилась я к еще одному своему сообщнику. Дворец, который любил авантюры не меньше моего, с готовностью подчинился. Небо за окном стало ясным. Светило яркое летнее солнце, и даже птицы пели.

То, что одна моя подопечная узнала другую, можно было не сомневаться. Как и то, что отношения между ними весьма непростые. Я не имела права судить ни ту, что попыталась убить, ни ту, что стала причиной такой ненависти. Это не мое дело. Возможно, я бы просто развела и заперла их по разным комнатам или уже сегодня утром спровадила несостоявшуюся убийцу в любую из возможных стран, которую бы та выбрала. Но... Тереза была магом, который по совершенно неизвестной мне причине сгорел. А у бывшей рабыни был ребенок-полукровка – само по себе явление редкое, как и маг со столь обожженными энергоартериями. Но больше всего меня волновали, как это ни странно, дошедшие до меня ранее слухи о возможности принесения в жертву ребенка. Особенно условие, которое между делом озвучила мне попутчица в караване рабов. Отдать ребенка мать должна была добровольно. Не одно столетие назад именно мы развивали теорию о добровольной передаче силы. На настоящий момент большая часть моих размышлений были всего лишь домыслами. Но в силу своей не в меру развившейся за прожитые годы паранойи я хотела узнать историю, что в свое время переплела нити судеб этих двух женщин.

Потому, сноровисто подхватив молодую мать, имя которой я так и не удосужилась спросить, за ноги, я потащила ее к небольшой кушетке у окна. Самой себе я сейчас напоминала горничную с замысловатой шваброй. Волосы у девушки были длинными и сейчас распущены, оттого выглядело это перемещение по комнате весьма забавно. Далее пришлось немного постараться, чтобы затащить бессознательное тело на кушетку. Но уж если мне по силам вправить взрослому мужчине вывих бедра, то уж с подобным я была просто обязана справиться.

Что делать дальше? Вот вопрос, на который я пока не знала ответа. В принципе, я могла бы поговорить с ней по душам, но, вероятно, она мне ничего не расскажет. Мой молчаливый подельник предлагал задействовать пыточные, устройство которых довольно давно подсмотрел в моих воспоминаниях. Похоже, старый мерзавец с замиранием сердца ждал возможности обратиться ко мне с

подобным предложением. Стоило только разместить женщину на кушетке, как очертания комнаты резко поплыли, преобразовываясь в нечто, что я никогда бы не хотела вспоминать. Серые каменные стены, увешанные всевозможным инструментом; грязный пол, на котором смешалось все – начиная со свежей и уже запекшейся крови и заканчивая человеческими испражнениями и прочими малоприятными субстанциями.

– Э, нет, – решительно возразила я, – даже не думай! У нее молоко пропадет от твоих фокусов! Убирай сейчас же! Я не собираюсь ее расчленять даже понарошку!

– А кто, по-твоему, это должен делать?! Я? – в углу комнаты возник фантом, судя по всему, бывшей поварихи королевской семьи. Женщина, обладательница пышных форм и здорового румянца во всю щеку, сейчас смотрела строго, уперев руки в боки. – Я уже выросла из того возраста, милочка, когда картошку приходилось чистить мне! Я тебя для чего тут держу, как думаешь, а?

– Ты совсем уже страх потерял, как я погляжу? – тихо и монотонно осведомилась я.

Женщину в углу сменил сухопарый немолодой и уже лысеющий мужчина в форме клерка. Некогда клерк при дворе Эйлирии выглядел всегда расстроенным и активно жаловался на вселенскую несправедливость.

– Я им все! И день, и ночь на побегушках! Размус, принеси то, подай это! – явно изображая кого-то, кто не мог правильно выговаривать «р», распинался мужчина. – За меня напиши, за него отнеси! Вот только зарплату как платили 30 шилонов, так и платят! А, у меня стаж! А ты иди, такого как я, поищи на замену?! Да где там, – в отчаянье махнул мужчина рукой, – молодые разве будут так работать за гроши?

– Бедненький, – фыркнула я, усаживаясь в кресло напротив кровати Терезы, – дельное лучше что-нибудь предложи.

Когда посреди комнаты появились два совершенно очаровательных карапуза лет пяти, и один другому предложил во дворе зарыть «секрет», я поняла, что мой дом еще больший псих, чем я сама. Как это ни странно, от подобного открытия моя самооценка пошла вверх. Оказывается, я еще ничего, можно

сказать, даже милая.

Невольно улыбнувшись приятному открытию, я потянулась даром к женщине, что теперь мерно посапывала у распахнутого окна. Девушка заворочалась, тяжело вздохнула и тут же резко открыла глаза и так же быстро села, нервно озираясь по сторонам. Но стоило ей заметить меня, как она тут же замерла.

- Что? - изогнув бровь, поинтересовалась я. - А я тебе говорил, спи сама, когда малец спит. А ты? Видишь, до чего себя довела, даже неходячую бабу удавить не смогла, раззява, - подытожила я, с интересом наблюдая, как забавно приоткрылся рот молодой матери в изумленном «о». - Рот закрой, - просипела я и, тяжело опираясь о свой посох, поднялась с кресла. - Ну, как тебя звать хоть? - налила я в стакан, что стоял на прикроватной тумбочке, воды, приправленной легким успокоительным эффектом, и протянула его девушке. Та ожидаемо принимать его не спешила. - Ты вроде по-житейски девка должна быть не глупая, но что ж ты такая дура-то? - покачала я головой. - Хотел бы я тебя убить, то уж точно не травить бы стал. Тут, пока ты спала, знаешь, сколько способов можно было опробовать? - вздохнула я, все же всучив стакан женщине. - Ну? Так что насчет имени?

- Эрта, - тихо сказала девушка и тут же хрюкнула, готовясь, судя по всему, к продолжительным завываниям при одном пожилом зрителе.

- Ты, если надумаешь реветь, учти, - посмотрела я на палку в своих руках, - я такие приступы лечу еще лучше, чем все остальное, сечешь?

Эрта энергично закивала и тут же отхлебнула воды из стакана, попутно проливая часть содержимого себе на платье.

- Знаешь ее? - кивнула я в сторону той, что уже привыкла называть именем, какое принято давать безымянным больным женского пола.

- Да, - очередной нервный кивок.

- Вот что, Эрта, - опустилась я рядом с ней на кушетку и заговорила уже так, как это делают пожилые люди, обращаясь к своим бестолковым, но любимым внукам. - Зачем тебе это, дочка? Ты же молодая, сынок у тебя такой чудесный, к чему все это? - спросила я, проведя рукой по голове девушки.

Я так отвыкла жалеть кого бы то ни было открыто... Проявлять свои чувства через прикосновения, слова, жесты. Так что неизвестно, кого из нас больше шокировал такой вот шаг с моей стороны. Как это ни глупо прозвучит, сколько бы я ни утверждала обратное – я всегда с ними, с живыми, что окружают меня. Жалею их, переживаю за них. Раньше это было естественным состоянием для меня, как и проявление подобных эмоций. Но сейчас – почти дико. Особенно трогать кого-то. Очень странно. Но если уж я решила выбираться из собственной скорлупы, то стоит начинать. Понемногу, по крошечному шажку в одно доброе слово. Доброта, милосердие, открытость – это смелость. Я хочу снова стать смелой, я устала бояться саму себя и вздрагивать каждый раз, думая о том, куда может завести меня мое сердце, если кто-нибудь лишний узнает, какое оно на самом деле.

Вопреки всем моим угрозам, из глаз девушки по моему прикосновению, точно по команде, покатались две крупные слезы.

«Ну привет, вот тебе и пожалела», – растерянно наблюдала я за тем, как теперь рыдает эта молодая женщина. Достала из кармана куртки небольшой отрез ткани и тут же вытерла сопلي подозреваемой. Поразмыслив, отерла и слезы: вдруг перестанет? В результате размазала и то и другое по лицу несостоявшейся душегубицы.

Когда я уже была готова свернуть с выбранного пути и провести воспитательную работу по старинке, Эрта заговорила.

– Мне было семнадцать, когда я попала в его дом, – сквозь слезы проговорила она. – Работа всегда была тяжелой, сколько я себя помню, вся моя жизнь складывалась из мытья, уборки, шитья, хлопот по чужому хозяйству. Встаешь – еще темно, ложишься спать – уже темно. Хорошо, когда хозяева заняты больше собой, чем тем, что у них под ногами. Потому как, если тебя заметят, то, значит, избьют. По-другому не бывает... не бывало, пока я не попала к нему. Он аланит, – с придыханием в голосе, которое не стало для меня неожиданным, сказала она, – самый красивый, сильный и добрый, какого я когда-либо встречала. Даже подумать не могла, что он обратит свое внимание на меня. Но... со мной прежде никогда такого не случалось. Ни один мужчина не был со мной таким. Я даже не пыталась устоять, просто отдалась ему, стоило ему сказать, что он хочет этого со мной. Забеременела почти сразу, хотя и не была такой душой, чтобы не заботиться о возможных последствиях... Не знаю, как это

случилось! – вновь заревела она. – Но уж чего не смела и ожидать – так это того, что он будет этому счастлив! Вы бы видели, как он радовался, когда узнал! Сказал, что я исполню его мечту! – точно пытаюсь меня в чем-то убедить, воскликнула она. Хотя, чует мое сердце, она убеждала в этом себя.

– И что же пошло не так? – тихо спросила я.

Эрта на миг замолчала, поджала губы и с ненавистью уставилась на кровать, где лежала Тереза.

– Это она во всем виновата! Я знала, что он никогда на мне не женится, как и то, что освободить меня или перевести в личный гарем у него не получится. Его просто не поймут и не позволят ему этого сделать. И никогда не рассчитывала на нечто подобное... – она замолчала, точно раздумывая, как рассказать о том, в чем видела причину всех бед, свалившихся на ее голову. – Все, о чем я мечтала, – это быть рядом с ним и с моим ребенком, что уж у нашего сына все будет совсем по-другому.

«Все, чего я хочу, Киран, – сквозь боль в сжавшемся сердце, – чтобы Дорин был с нами... Как такое может быть, что он послан нам, чтобы мы потеряли его? Точно искра, оторвавшаяся от огня, он однажды угаснет, и все, что у меня останется... что у меня останется?»

Не к месту всплывшие воспоминания заставили меня с силой сжать кулаки. Я давно уже смирилась со своей потерей, я пережила ее, переболела, но все еще скучаю. И, как это ни странно, я понимала, что двигало Эртой.

– Слуги в домах – все равно что тени. Мы незаметны для окружающих и можем ходить, где пожелаем. Я в тот день хотела сказать ему, что наш сын... я впервые почувствовала его внутри себя. Поднялась в его личное крыло. Он был в своем кабинете, я слышала его голос. Приоткрыла дверь и... он имел ее прямо на своем столе, – сквозь сжатые зубы процедила она. – Это было бы ничего, – покивала она самой себе, – я все понимала. И кто он, и что требовать верности я не имела никакого права. Но она говорила с ним. В тот момент она спрашивала, когда он избавится от меня и они уже смогут начать...

– Что начать?

– Не знаю, – пожала она плечами, – но он сказал, что, как только ребенок будет его, все изменится. Я ушла тихо, и никто из них даже не заметил, что я была там. А через несколько дней он спросил меня: хочу ли я другого будущего для нашего ребенка? И если да, то сразу же после родов нужно сделать так, чтобы я отдала ребенка ему. Тогда он сможет устроить его будущее и примет в семью.

– И?

– Я сказала «нет», – уже навзрыд заплакала женщина. – Он на меня тогда разозлился. Сказал, что я сама буду умолять его об этом. С тех пор моя жизнь круто изменилась. Больше не было «нас». Больше не было тех условий, к которым я успела привыкнуть. Самая тяжелая работа, регулярные, хотя и осторожные побои, чтобы ребенку не навредить. И каждые две недели он спрашивал, хочу ли я вернуть все назад. Почему продолжаю упрямяться? В те дни, когда он приходил ко мне, он выглядел таким сияющим, невероятным, я уже не понимала, почему продолжаю говорить «нет». Он уверял, что любит меня, но не может мне позволить испортить жизнь нашему ребенку. А потом, когда я вновь отказалась, с моей кожи свели клеймо Дома Дриэлл и продали в караван, что уходил в Иртам. Он даже не пришел попрощаться со мной или спросить в последний раз...

Весь рассказ этой женщины свелся для меня всего к трем предложениям: «Дриэлл», «передача ребенка добровольно», «магичка, сила которой просто сгорела». Именно первое слово в моем списке заставило меня пораженно замереть. Элтрайс Эль Дриэлл, аланит, которого так интересовали мы, первородные. Аланит, рядом с которым до сих пор находился один из нас. Киран... Могло ли произойти так, что Киран рассказал ему? Могло ли случиться так, что, узнав нечто о наших исследованиях, лучший маг его Императорского величества просто доработал то, что создавалось во имя любви?

При этой мысли у меня нестерпимо защипало в глазах. Я не могла поверить, что наша любовь к Дорину могла привести к тому, что малыша, которого я приняла всего несколько дней назад, создавали на убой. Но зачем? Эксперимент? Зачем... зачем... зачем?! Мне стало трудно дышать. Перед глазами все поплыло от непролитых слез.

– Завтра я помогу тебе начать все с чистого листа, – сказала я, кое-как проглотив тяжелый ком в горле.

– Когда мы сбежали, я подумала, что это он прислал вас. Думала, что он все понял, осознал, что мы нужны ему... – тихо прошептала она.

– Вот что я тебе скажу, девочка... – глубоко вздохнула я. – Постарайся запомнить и не забывать: ты теперь мать – это главное. Ради блага своего сына никогда не говори ему, кто его отец. Никогда не рассказывай никому о том, что рассказала мне. И больше не жди, что однажды он вспомнит о вас. В день, когда это произойдет, твоя жизнь рухнет. Запомни.

– Что? – испуганно посмотрела она на меня.

– Тебе очень повезло, что все закончилось именно так.

Я говорила, подкрепляя каждое сказанное слово частицей своего дара. Совсем скоро Эрта забудет небольшой отрезок своей жизни, но эти слова она должна будет запомнить навсегда.

На рассвете я увела ее из песчаного сердца Элио. Мы переместились в небольшую деревушку на северной границе Алании. Это было очень далеко от столицы. Здесь зимой выпадал снег, а тепло было лишь летом и поздней весной. Деревенька располагалась в окружении лесов и озер. Иногда я тут жила, и у меня здесь был дом. Люди знали меня как знахаря с востока, что приезжал в эти края для сбора трав. Потому мне не составило труда представить Эрту старосте деревни и объяснить, что это моя племянница и молодая вдова. Муж ее погиб в день прорыва на восточной границе. Девка молодая и работящая, а вот жить теперь, где привыкла, не может. Дом, что выделила империя, отобрали, так как муж погиб, не выслужив положенного срока. История была простой и прозаичной, подозрений ни у кого особенно не вызвала. Да и люди здесь жили по большей части простые и немного дремучие. Что такое полукровка-аланит, даже примерно не представляли. Оно и к лучшему. Сыну Эрты я на прощание дала небольшой невзрачный медальон из той коллекции, что некогда подарили нам с Кираном, который будет скрывать ауру ребенка, и точно так же, под воздействием, наказала ребенку никогда его не снимать. Даже если мальчик унаследует часть силы своего отца, он будет всего лишь невероятно очаровательным парнем, легко покоряющим женские сердца. Пока на нем эта вещь, никто и никогда не заподозрит, какое у него происхождение.

Дом, который я передала Эрте, располагался на окраине деревни. Простой, но крепкий. С небольшим садом, который требовал хозяйской руки. Сейчас была середина осени, потому вырастить что-то в этом году было уже сложно. Я оставила девушке денег, которых бы ей хватило, чтобы пережить зиму. Монеты, что некогда позаимствовал из кошелька Ферта Кит, наконец-тогодились, как и зарплата, что выплачивал мне Рейн.

«Как бы сильно вы ни любили своих пациентов, не пытайтесь прожить за них жизнь» – слова, сказанные однажды нашим преподавателем по анатомии существ, всегда всплывали у меня в памяти, когда приходилось прощаться с теми, кому я однажды помогла. Я не могла жить с Эртой вместе и всегда быть с ней и ее сыном, но прежде чем оставить их, я должна была сделать все от себя зависящее, чтобы быть уверенной, что они в безопасности. Только так я смогу спать по ночам, только так смогу идти дальше. Я забрала ее воспоминания обо мне и о том, как она оказалась здесь. И очень надеялась, она запомнит то, что я однажды ей сказала.

Сидя за широким столом в просторной бывшей столовой королевской четы, я не без интереса наблюдала за тем, как нравится моему дому эта игра в жизнь. Сейчас я, Кит, Лил и «якобы» Джарред, хотя и не поручусь, наблюдали сцену подачи завтрака семье его величества. Саму столовую заливал золотистый солнечный свет, попадающий в нее сквозь распахнутые огромные окна. Легкий бриз нес с собой запах моря и цветов ассирии, что так любила королева-мать за их тонкий сладковатый аромат. Стол был застелен белоснежной скатертью. Вокруг нас суежилась куча слуг с подносами, кувшинами с различными напитками, свежей выпечкой. Выглядело это довольно забавно, если понимать, что происходит на самом деле. Обратни с жадностью принимались к витаемым вокруг ароматам, с трудом подавляя собственные инстинкты. Пожилой мужчина, а с ним несколько служанок с подносами, подошел к, возможно, Джарреду и поинтересовался, чего тот желает. К слову сказать, ассортимент был более чем! Обратень, не будь дураком, пожелал тостов с маслом, сыром, ветчиной, свежий сок, джем, чай, немного хлеба, оказался совсем не против фирменного омлета от повара и сладкой сдобы.

Надо было видеть его лицо, когда пожилой мужчина, сгрузив на стол блюда, отошел, а стоило Джарреду подвинуть к себе тарелку, как оказалось, что роскошный завтрак – не что иное, как каша на воде. На отдельном блюде красовалась крошечная серая фрикаделька, которой полагалось быть

«фирменным омлетом». К чему она была тут – непонятно, как и то, где он ее взял. И стоило видеть кислую мину оборотня, это по-детски обиженное лицо кудрявого парня, чтобы оценить чувство юмора дворца по достоинству.

– А... – только и смог сказать парень, смотря вслед уходящему мужчине, который уже интересовался у Кита, чего желает тот.

Внучек мой, похоже, смекнул, что к чему, и, заказав стакан воды, получил свою миску каши, сэкономив время всем нам.

– Что за дом такой? – пробурчал себе под нос Джарред. – И где та девчонка с младенцем? Я с утра ее не видел.

Насадив загадочное мясное изделие на вилку, я с интересом его разглядывала в момент, когда прозвучал данный вопрос. Потому, не отрываясь от своего занятия, просто сказала:

– Кто знает...

Вмиг воцарившаяся тишина заставила меня обратить внимание на тех, кто до этого мерно постукивал ложками. И только теперь я поняла, как именно выглядела в их глазах моя фраза, сказанная над фрикаделькой.

– Не, а что, ты коров здесь где-то видел? – невинно поинтересовалась я.

Два оборотня синхронно открыли рты, отчего часть каши вывалилась из них прямо на скатерть.

– Вот и я нет, так откуда эта хрень? – указала я взглядом на мясное творение Дворца. – С девчонкой все нормально, кстати, – добавила я, беззаботно съедая то, что давали, здраво рассудив, что в моем случае хуже не будет.

Дождавшись, пока двое из моих постояльцев, а именно оборотни, хорошенько поедят, потому как мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то из них заработал несварение, я наконец-то решила сделать то, что давно следовало, но все было как-то не с руки. Глубоко вздохнула, обращаясь к собственному дару и возвращая сморщенной и сухой коже вокруг глаз былую упругость. Поправила

голосовые связки. Я видела, что волки сейчас больше заняты своими тарелками, чем мной, потому никто из них не обратил внимания, когда я осторожно начала отстегивать часть ткани, что так надежно закрывала мое лицо.

– Я понимаю, – все еще чуть сипло заговорила я, – что, наверное, не стоит так резко делать то, что я собираюсь. Но эта штука, – указала я пальцем на свой головной убор, при этом наклонившись так, что они до сих пор не могли видеть моих глаз, и пытаюсь развязать потайные веревочки на шее, – меня уже допекла. Так что если кто рухнет в обморок, начнет орать, заикаться, тыкать в меня столовыми приборами, я вас сразу предупреждаю: ничем хорошим для вас это не закончится. Особенно если решите в меня что-нибудь воткнуть, ясно?

Сначала оборотни молчали, но первой не выдержала Лил.

– Мы можем себе представить, как выглядит дед-человек, – несколько высокомерно заявила она.

– И вообще, нам с самого начала было непонятно, зачем вы это носите. Стесняетесь своего возраста? Так мы представляем, как выглядят старикашки, – ухмыльнулся, вероятно, Джарред.

– А, ну тогда ладно, – наконец-то развязав последние узелки на своей чудо-шапке, я с удовольствием стянула ее с головы, позволяя тяжелым черным прядям рассыпаться по плечам, а себе – посмотреть на лица присутствующих. Хотя живу я довольно-таки давно, мне больше всего нравится наблюдать за реакциями живых на нечто, что не укладывается в их картину мира.

Так, например, всегда ловкая и собранная Лил выронила ложку, и та со звоном упала на пол. Рот блондинки удивленно приоткрылся, и она просто замерла. Скукотища. Зато Джарред не подвел.

Не знаю, что уж он там пытался сказать, но рот его просто открывался, оборотень издавал что-то похожее на «ма», потом закрывался, парень медленно моргал, точно собираясь с мыслями, и все шло по новой. Забавно, но не так, как было с Трэем. Тот просто воткнул мне вилку в ногу... Но тут я сама виновата: что меня все время за столом тянет открываться людям?

Первой не выдержала Лил.

– Вы... вы... ты... – дала она петуха на этом самом «ты» и закрыла рот, тяжело вздохнула и уставилась куда-то в пол. Длилось это недолго. Оборотница встрепелась, точно ее озарила гениальная мысль, и выпалила:

– Девочка! – обличающе ткнула она в меня пальцем.

– Ма, – поддакнул, по всей видимости, Джарред.

– Нет, сто процентов нет, – покачала я головой, – и, нет, молодой человек, я не ваша мать.

– Но... девочка! – вскочив из-за стола, вновь дала петуха девушка.

– Можно мне воды? – устало обратилась я к воображаемым слугам, что продолжали кружить около нашего стола. Но несмотря на то, что просила я, а не чужаки, все равно получила еще одну порцию каши. Прелесть какая.

Отодвинув предложенную «воду», я глубоко вздохнула, собирая в кулак все свое самообладание, и сказала:

– Вот те Лурес в свидетели, – осенила я лоб святым кругом.

– Ма, – уже мне поддакнул, скорее всего, Джарред.

Некоторое время оборотни молча таращились на меня и почему-то на Кита, чем мешали пацану облизывать тарелку, что он делал, пока никто не смотрел. Поэтому, стоило им отвернуться, как парень, недолго думая, собирал остатки каши пальцем и засовывал себе в рот.

«Все же весь в меня», – умиленно подумала я, подмечая тот факт, что нам обоим хоть война, но обед должен быть все равно!

– Ну, хватит уже, – решив прервать смотрины, сказала я. – Повторю вслух, если вдруг так не очень понятно. Я женщина.

– Девчонка, – уже прошептала Лил, только на этот раз своему товарищу, с таким выражением, будто что-то поясняла ему.

– Бабуля твоя – девчонка, поняла? – фыркнула я, поднимаясь со своего места. – Все, иду к больной. Через два дня планирую уйти. Вас выгоню... и тебя тоже, – кивнула я Киту, который от такой новости, кажется, забыл вытащить палец изо рта.

– За что?

– Куда?

– Почему?

Что значит правильно сменить тему разговора! Это искусство.

– Надо, – коротко бросила я. – Дела у меня. Одних вас тут не оставлю и с собой не возьму. Про тебя пошутила, чтобы в рот что попало не совал, – последнее замечание было адресовано Киту, который тут же вытащил палец изо рта. Покачав головой, я уже было собиралась уйти, как слово вновь взяла Лил.

– Мы вас не оставим, – коротко сообщила она, а я благоразумно не стала спорить. Нет так нет, можно подумать, я уговаривать буду.

Тереза пришла в себя на третью ночь. Времени на восстановление ушло гораздо больше, чем я планировала изначально. Хотя теперь мои посиделки у кровати больной больше всего напоминали какой-то кружок по вышиванию. Я и двое оборотней мучили методическое пособие дней моей молодости, представлявшее собой имитацию человеческой руки. Решив, что сидеть просто так и развлекать молодежь байками из моей жизни, мягко говоря, невесело, я достала игрушки, некогда принадлежавшие Кирану, а также личным целителям королевской семьи. Три искусственные руки, три скальпеля, швейный набор. Свиных ног тут не было, а жаль. Хотя рука анатомически была точной копией человеческой, но все же ненастоящей. Но мои уже бывшие студенты были в восторге. Таких муляжей они никогда в жизни не видели.

– Если бы вы видели, как это выглядит со стороны, – поделился с нами Кит, который этими ночами занимался по большей части тем, что носил мне чай и вытирал кусочком ткани «кровь», выступавшую на муляже, стоило мне сделать надрез.

– Не отвлекайтесь, сестра, я не вижу, – скомандовала я, в то время как Кит поспешно убрал лишнее. – А теперь смотрите сюда, мои недалекие коллеги, – покивала я на разрез, а оборотни тем временем дружно уставились туда, куда я показывала. – Вы освоили одну технику эйлирского шва, настало время для второй. Не всегда надо просто «заштопать» больного. Не стоит забывать и об эстетической стороне вопроса.

– Какой? – как всегда, переспросил Кит. По крайней мере, теперь он чаще переспрашивал, чем с умным видом поддакивал, выдумывая новые слова.

– Не всем нравится иметь украшение в виде шрама, особенно на лице, шее или руках.

– А, – покивал мой внук, с интересом склонившись над муляжом.

– Если все сделаете правильно, то у аланита или оборотня шрама не останется вовсе. У людей чуть хуже с регенерацией тканей, но если правильно обрабатывать шрам, то и у них тоже. Смотрим, – сказала я, вооружаясь иглой с нитью.

– Мне... – раздалось едва слышно у меня со спины, – тоже интересно...

Мы сидели спиной к кровати, где лежала девушка, потому повернулись все синхронно. Я даже не успела отложить муляж. И, только обернувшись, искренне понадеялась, что вид «оторванной» конечности не вернет ее туда, откуда она смогла вернуться.

– И? Вы уверяете меня, что понятия не имеете, каким образом первородному удалось исчезнуть из дворца? – осведомился Рейн, с интересом рассматривая мужчину, что сейчас сидел перед ним.

Саймон Тор, главный целитель городского госпиталя, выглядел расслабленным и как-то странно умиротворенным. Почему он решил поговорить с целителем? Рейн и сам не понимал. Он уже давно все рассчитал. И не сомневался, что Тор имеет отношение к побегу Соль. К тому же этот вопрос не был первым в списке его дел на настоящий момент. Тогда какого демона он спрашивает целителя об этом сейчас? Зачем?

– Именно так, – спокойно отозвался мужчина ровным и непривычно низким голосом.

– Я не люблю пустых угроз, – сказал Рейн, а подушечки его пальцев едва слышно прошлись по деревянной глади стола. – Но вы, Саймон, ходите по краю. Предупреждаю вас только потому, что вы полезны Алании, и даю вам шанс подумать над моими словами. Хочу, чтобы вы знали и еще кое-что. Насколько мне известно, ваш сын уже достаточно взрослый, чтобы отдать свой долг стране? Грядет война – и магу его уровня и умений самое место в строю тех, кто будет удерживать восточные границы империи.

Саймон судорожно прикрыл веки. Этот мимолетный жест не ускользнул от взгляда Рейна. У всего есть своя цена. Каждый выбор влечет за собой последствия. Саймон выбрал, и теперь пришло время платить по счетам. Кто пытается идти против Ариен, должен быть готов к последствиям.

– Вам же следует готовиться, совсем скоро польется кровь. Мне необходимо, чтобы вы мобилизовали все силы городского госпиталя. Целители должны быть подготовлены в соответствии с положением о военном времени, это ясно?

– Я понял, – скупой ответил мужчина, и Рейн заметил, как сжались его кулаки и побелели костяшки пальцев.

– Если вам есть что добавить, то прошу, – сказал он, делая вид, что изучает бумаги, лежавшие перед ним на столе.

Некоторое время Саймон молчал, точно размышляя, стоит ли ему вообще открывать рот. Рейн давал ему возможность выбрать.

– Я рад, – наконец-то сказал он, – что он ушел.

– Неужели? – изогнув бровь, посмотрел исподлобья мужчина на главного целителя. – С чего бы? Не был бы он полезен сейчас для нашей страны в сложившейся ситуации?

– Разве... он не был для нее полезен однажды? Ни один из нас не отдал столько империи, сколько сделала, – словно через силу выдавил целитель это окончание, – она.

Рейн резко отложил в сторону бумаги и прямо взглянул в глаза Саймону.

– Вы знали?

Саймон коротко кивнул.

– Вы бы тоже знали, если бы только проявили должный интерес к ним. Еще можно найти сказки о ней, если хорошо поискать.

– И?

– Я не жалею, – твердо сказал мужчина, прямо посмотрев в глаза Рейну. – Ясно вам? Не жалею, – можно сказать, с вызовом обратился целитель к главе тайной службы империи.

Рейн коротко усмехнулся, но больше ничего не стал спрашивать у этого мужчины. Ему было многое понятно и без лишних слов.

– Вы можете идти... пока, – счел необходимым добавить он.

Стоило двери затвориться за целителем, как Рейн тяжело поднялся из-за стола. Впервые в жизни он не чувствовал себя на своем месте. Стены душили его, в груди пекло и ныло, ему было тесно в собственном кабинете. Тесно и невыносимо оставаться тут. Грядущая война, как бы сильно он ни убеждал себя

в обратном, занимала лишь второе место в его мыслях. Он ощущал физически, что принуждает себя оставаться в стенах возглавляемого им управления, хотя больше всего на свете ему хотелось распахнуть крылья за спиной и взлететь. Выше! Туда, где солнце лучами целует перья облаков, откуда все кажется таким маленьким и незначительным... Там, лишь там он мог поверить, что его чувства имеют больше смысла.

Некоторое время он смотрел на центральную площадь Аланис. Величественные белоснежные здания, мощенные розовым камнем дороги, снующие туда-сюда жители столицы. Такие разные, все в хлопотах и не обращающие никакого внимания друг на друга. Солнечные лучи отражались в струях фонтанов, разбивая их на крошечные золотые песчинки. Дети, весело смеясь, бегали вокруг статуи одного из героев древности, что своим обликом сейчас и украшал этот фонтан на площади. Было обычное утро для столицы империи. Как знать, быть может, оно последнее такое?

Рейн тяжело вздохнул, отворачиваясь от окна. И только сейчас он заметил небольшой конверт на том самом месте, где сидел Саймон. Мужчина с интересом взял его в руки, заметив небольшую надпись в самом углу.

«Если и впрямь интересно...» – гласила она.

Не придав ей большого значения, он просто распечатал конверт. Внутри оказалось несколько пожелтевших от времени листов магически укрепленной бумаги. Это было единственной причиной того, почему она до сих пор не рассыпалась по прошествии стольких лет. Эти листы казались частью какой-то книги, написанной на эйлирском языке. Положение Рейна обязывало его понимать этот язык, но более древний вариант его он уже не знал – только тот, что существовал на момент угасания этой цивилизации. Это был рассказ или сказка о верховной жрице Двубликого Бога при храме в городе Ортис, некой Соул – как мог, прочитал имя Рейн. Автор рассказывал о том, как Соул лечила людей, проклятых гнилью. Вероятнее всего, имелась в виду болезнь, которую в Алании называли черной хворью.

«Ортис устоял. И не было в городе дома, которого не коснулась длань Двубликого; человека, которому не пришла бы на помощь Соул. Жизнь не сдалась, хотя, казалось, смерть ждет ее поражения у каждого порога.

Правитель Аттавии не счел нужным прийти на помощь городу, от которого отвернулись боги, а дитя Двуликого Бога осталась с нами в этот темный час».

Последние строки истории ясно говорили о том, что описанное не сказка. На протяжении полугода город был закрыт от остального мира. Правитель тех времен запретил поставлять туда товары, пищу, медикаменты. Город оказался отрезан от цивилизации. Был дан четкий приказ никого не впускать и не выпускать оттуда. Неужели эта история и правда о Соль?

Не успел Рейн додумать эту мысль, как на последнем листе бумаги увидел изображение девушки. Она стояла у самого края крепостной стены. Обычно иллюстрации таких историй красочные и яркие, главные герои всегда в нарядных дорогих одеждах, а тут... Она смотрела на простертый внизу город с нескрываемой печалью во взгляде, ее густые темные волосы были собраны в растрепавшийся на сильном ветру хвост. Одежда темная, какие-то нелепые, потертые и явно большего размера, чем надо, брюки и рубашка. А внизу, у самой стены, горел погребальный костер для тех, кому помочь она так и не смогла. Он не мог не узнать черт ее лица, пусть и видел ее лишь однажды. И этот взгляд, словно она молчаливо оплакивала кого-то очень близкого ей.

«Ты совсем не знаешь ее», – часто говорил ему Трэй, а он всякий раз вспыхивал, точно пламя на ветру. Эти слова задевали его. Он ревновал? Возможно. Но, пожалуй, именно сегодня он впервые задумался над этим под другим углом. А что он знает о ней? Сколько ей на самом деле лет? Что видели эти древние глаза, принадлежащие, казалось, совсем юной девушке? Каким было бы его сердце, проживи он столько же лет, испытал то же, что и она? Имеет ли это значение в свете того, что он желает ее? Сможет ли он сохранить свою решимость, если как следует задумается над этим?

– Вопросы... почему, когда дело касается тебя, я никогда не знаю, каким будет ответ? – тихо спросил он у нарисованной на пожелтевшем листе девушки, что вот уже не первое столетие тихо плачет над погребальным костром.

* * *

– Итак, белошвейки мои, отложим иглы ненадолго, есть дела поважнее, – стоя рядом с кроватью Терезы, сказала я. – Кто знает, какие? – посмотрела я на своих

два с половиной студента.

Несмотря на то что девушка очнулась, выглядела она слабой. Что, собственно, и немудрено, учитывая, сколько она лежала без движения и нормального питания.

Студенты смотрели на меня так, словно вчера на свет родились. Эти наивные и милые глаза, трепет ресниц, ощущение, точно я больную в коровник привезла.

- Ну же, - милостиво подбодрила я своих буренок.

- Нужно осмотреть ее, - выдала Лил, заслужив завистливый взгляд своего товарища, наивно-добродушный от Кита и поощряющий - мой.

Я милостиво разрешила оборотнице действовать. На самом деле своим даром я уже все проверила и была спокойна за девушку, но ведь и студентам нужна практика. Так что пусть уж потерпит немножко.

Лил решительно приблизилась к кровати, одним резким движением сорвала с Терезы одеяло, и, будь я проклята, она начала ее осматривать. В этот момент я почувствовала себя зрителем в театре абсурда. То есть все участники постановки что-то там понимают, одна я не при делах. Даже Кит - и тот с умным видом пялится на больную.

- Что ты делаешь? - между делом спросила я, когда Лил все же соизволила измерить пульс у больной.

- Провожу осмотр, - как ни в чем не бывало заявила она.

- На предмет чего, я стесняюсь спросить? Думаешь, у нее какая-то деталь отпала, пока она тут лежала?

- Нас так учили осматривать людей, - с готовностью ответила она. - Она человек, и я не могу определить ее состояние, опираясь на свои ощущения, - наминая пациентке живот, поделилась Лил.

Я устало прикрыла глаза. Почему-то заломило виски. Что за дурдом тут творится? Первым желанием было вломить оборотнике по хребтине, благо посох

был неподалеку. Желание было острым – должно быть, так себя чувствует алкоголик в завязке.

– Я начинаю новую жизнь, новую жизнь, новую жизнь, – все еще с закрытыми глазами продолжала шептать себе под нос я до тех пор, пока не смогла вновь ровно дышать.

– Что? – осведомилась девушка.

– Первое, что тебе стоит проверить у пациента, который вышел из такого состояния, – это его реакции и рефлексы...

– Что такое рефлексы? – поинтересовался Джарред, возвращая меня на грешную землю, так и не дав мне стать хоть немного лучше согласно плану.

– Отдохни, милая, – погладив больную по щеке, я тут же погрузила ее в глубокий оздоровительный сон, подкрепив свое действие еще одной частицей собственной силы. – За мной, – уже сквозь зубы процедила я, обращаясь к своим недорослям. Легко подхватила посох и направилась к выходу из комнаты. За моей спиной слышался возбужденный шепот, но бунтовать в открытую никто не решился.

А уже спустя двадцать минут двое оборотней переминались у окна столовой, смотря на то, как я привязываю Кита к стулу.

– Доставайте тетради, поганцы, – фыркнула я, связывая внука.

– Ну почему я? Ошиблись-то они, – проныл Кит.

– Потому что, не ровен час, папашей станешь, а писать толком до сих пор не научился.

– Я зарисую, – с готовностью согласился Кит.

– Рисуешь ты и того хуже, – фыркнула я, не став добавлять, что в этом-то он точно весь в меня. – Итак, любители подглядеть, у кого что и где выросло, –

поднимаясь на ноги и ставя на стол предметы, что любезно материализовал для меня мой дом, сказала я. Первым появился молоток, за ним – тонкая длинная игла и горящая свеча. – Узнаем же, что это за хрень такая – условные и безусловные рефлексy и на кой демон Дзуликий их придумал, – с нездоровым блеском во взгляде изрекла я. – В этом нам любезно согласился помочь этот маленький ленивый мальчик, который никак не может выучить алфавит, чтобы писать, не подглядывая в шпаргалку.

Кит нервно сглотнул, оборотни переглянулись. Думаю, этот урок они запомнят если не на всю жизнь, то надолго уж точно.

И хотя я прекрасно понимала, что, вероятно, никто из них не виноват в том, что случилось с этим миром, но больно мне было все равно. Все знания, что мы веками, точно ненормальные муравьи, стаскивали в одну кучу и хранили для них, стали вдруг никому не нужны. Настолько не нужны, что лечатся они теперь только магией, чтобы болезнь просто выгорала под действием силы или подножными травами. А люди? Их и вовсе лечат как придется. Есть старые рецепты от самых распространенных заболеваний, например, чтобы сбить жар, обезболить, против кашля и простуды. Ну и так, кое-что от кое-чего. Элементарные операции, где если ты не магически одаренное существо, то непременно отбросишь копыта от послеоперационных инфекций, прости меня Дзуликий. К чему им знать о каких-то там реакциях организма у пациентов, которые выходят из комы? Зачем? Из нее никто и никогда не выходит! Как только Тереза-то продержалась?!

Когда урок был пройден, Кит отпущен спать под честное слово, что завтра он таки выучит все буквы, а оборотни отосланы заниматься тем, что им в голову взбредет, я отправилась в комнату к девушке, с которой нам предстояло познакомиться.

Войдя в комнату, я заметила, что она пришла в себя и сейчас с интересом изучала пейзаж, который открывался за окном. Дворец показывал ей эйлирское утро. Солнце едва коснулось горизонта, окрасив темное небо в предрассветные тона. Рассветы и закаты на моей родине всегда были насыщенными красками, пряными от ароматов ночных цветов и неповторимо зачаровывающими. Поговаривали, что это из-за обилия магических энергопотоков, что сходились на этой земле. Словно бы именно они преображали действительность вокруг, искажая пространство и явления. Из окна спальни, в которой сейчас находилась

моя подопечная, виднелся лишь сад. Отсюда нельзя было разглядеть город. Но и того факта, что за окном цвела жемчужная роза тали, должно было хватить, чтобы привести девушку в недоумение. Цветок был искусственно выведен магами Эйлирии. Не нуждался ни в воде, ни в каком-то особенном уходе, лишь должен был расти в богатом энергией месте. Магически выведенные цветы имели необыкновенный тонкий аромат, который изменялся в зависимости от предпочтений того, кто пытался его вдохнуть. Например, Зорис чувствовал аромат арнийского коньяка, для Кирана она пахла чернилами и бумагой, мне чудился запах дезинфицирующего средства. Не цветок, а настоящий психологический детектор.

«Я единственный нормальный из нас троих, – сказал как-то Зорис, – подумать только, дезинфицирующий раствор и чернила?! Идеальная парочка, ничего не скажешь!»

Он еще долго высмеивал наши пристрастия, а я радовалась как ненормальная тому, что узнала, что нравится Кирану... Мое сердце стучало в те дни так быстро, что, пожалуй, если бы не мой дар, должно быть, я с легкостью могла стать пациентом кардиологического отделения. Мы еще не встречались в то время. Скорее, я изводила его как могла, со всей присущей мне увлеченностью, делая вид, что просто терпеть его не могу. Что сказать, в этом вся я. Как хорошая спелая капуста, которую надо исследовать слой за слоем, чтобы хоть что-то понять.

Не вовремя накатившие воспоминания, вопреки всему, не расстроили меня, как это частенько бывало, а заставили легко улыбнуться. Моя память может быть синонимом слова «боль». Стоит вспомнить тот или иной период жизни, чтобы почувствовать, как не хватает мне моей семьи, как я тоскую по временам и людям, что окружали меня тогда. Моя память – опасная трясина, с которой нужно быть весьма осторожной. Но иногда, очень редко, боль была не острой, а скорее ноющей и почему-то теплой, как сейчас. Главное, не раскручивать колесо времен, не вспоминать сразу еще что-то. Достаточно и простого воспоминания о цветке, моей первой любви и дружбе. Вот так.

Глубоко вздохнув, отгоняя непрошенные картины, я подошла к девушке.

– Ты проснулась? – спросила я нечто очевидное и нехарактерное для себя. Но я же вроде бы как пытаюсь быть милой. Что за бред?!

– Кто вы? И где я? – слабо сказала она, с интересом посмотрев на меня.

Демоны побери эту моду Алании! Сейчас я, как последняя идиотка, обмоталась белой простыней из своей спальни и подпоясалась шнурком от шторы в гостиной. Напялила сандалии Кита и улыбалась, точно у меня склянка с маковым молочком в рукаве.

– Для начала позвольте мне задать вам несколько вопросов, прежде чем я отвечу на ваши, – выдала я свою фирменную улыбочку. С непривычки свело щеки, но я продолжила: – Ваше имя?

– Вам не сообщили, кто я? – растерялась она.

– Ну что вы, – мило захихикала я. Ну, должно было выглядеть мило, но не поручусь. – Это простые вопросы, чтобы проверить ваше состояние.

– Эллиана Мортис, – тут же протараторила она, точно пытаюсь доказать кому-то, что с ней все хорошо.

– Что последнее вы помните?

– Что вам рассказал господин Дриэлл? – после минутного замешательства спросила она.

– Будьте уверены, все и даже немного больше. Мы с господином Дриэллом вместе работаем... ну, вы понимаете, – многозначительно посмотрела я в глаза девушки. Моя азартная душа авантюриста вошла в раж. Больше всего на свете мне нравилось ничего не понимать и самозабвенно врать! Это я любила. – Он просил вас быть предельно откровенной со мной, ведь от этого зависит наше общее дело.

– Я не знала, что кто-то еще в курсе, – удивленно посмотрела она на меня.

– Конечно, вы правы, Элли, в таких делах неуместна излишняя открытость, но вы должны понимать масштаб происходящего. Господину Дриэллу нужны верные соратники.

– Да, конечно, – растерянно пробормотала она. – Но... могу я увидаться с ним, прежде чем говорить с вами? – прикусив нижнюю губу, спросила она, точно боялась сболтнуть лишнего без дозволения того, с кем ее связывало нечто... пока мне не известное.

Надо сказать, что мне не пришлось бы ходить в простынках и предотвращать убийства, если бы мой нынешний дом не страдал самой настоящей психопатией. Я точно знала, что мерзавцу известно все, а может, и немного больше. Но пока ему интересно, а мы развлекаем его своими представлениями и, самое главное, готовы брать и его в игру, он ни за что не выложит мне и кусочка информации. Возможно, все и немного проще. Да, он имел интеллект, но был совершенно не отягощен эмоциональной составляющей. Ему было интересно препарировать человеческие чувства, эмоции, переживания через собственную память и воспоминания тех, кто был под его крышей. Он читал все это, мог оживлять, а потом раскручивать события, следуя за воображением и подсознанием того, кому принадлежали воспоминания. Он не мог заставить персонажей говорить своими собственными словами. Каждый оживший «человек» из считанных воспоминаний людей говорил лишь то, что ожидали от него услышать. Но если дому самому хотелось высказаться, тут уж он находил, какой фрагмент из прошлого следует извлечь и показать.

– Конечно, – улыбнулась я, – но вы же понимаете, что господин Дриэлл весьма занятой аланит. Это будет не так просто...

– Но мы ведь можем подождать?

– Я сделаю все возможное, – коротко ответствовала я, слегка поклонившись. – У нас есть телепортационный ящик, так что письмо о том, что вам стало лучше, он получит сразу же.

Как деловая целительница, я взяла с небольшого столика у противоположной стены листок бумаги и легко начеркала на нем: «Тра-та-та, тра-та-та». После чего сунула его в корзину для вышивания, что стояла на небольшой тумбочке рядом. Корзина легко завибрировала с подачи дворца, и раздался характерный щелчок, значащий «отправлено».

– Он тут же придет, я знаю, – заявила девушка.

А я подумала о том, что же мне с ней делать после. Что за дурные бабы нынче попадают?

Ну, дворцу тоже не терпелось поучаствовать в пьесе, потому совсем скоро дверь в комнату распахнулась, и на пороге замер Элтрайс Дриэлл собственной персоной, точно такой, каким помнила его девушка. Приодетый по последней моде Алании в ярко-голубую с серебристыми полосами тогу, которая напоминала мне мой студенческий матрац.

– Ани! – воскликнул прекрасный мужчина в непотребном одеянии. Где дворец взял сей фасон, мне оставалось только догадываться. Но, похоже, кто-то из постояльцев считал это сочетание чем-то невероятно модным и дорогим. Надеюсь, не мой внучек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandrova_marina/sol-vremya-lyubit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)